

НОВОЛУНИЕ

Дмитрий Шумихин

Дмитрий Шумихин

Новолуние

«Автор»

2026

Шумихин Д.

Новолуние / Д. Шумихин — «Автор», 2026

Что будет, если человечество получит всё, о чём мечтало? Человеческая жизнь и экология планеты — высшие ценности. Мир без войн и болезней, без насилия и принуждения. Бессмертные хранители следят за Землёй с Луны, эффективно управляя реальностью движением мысли. Нейрочипы стирают боль, страх и саму память. Счастливая жизнь под цифровым куполом Гармонии для каждого. Под защитой стен Гигаполисов. День за днём. Тысячелетие за тысячелетием. А что останется от человечества, когда оно откажется от звёзд? «Новолуние» — научная фантастика на костях киберпанка и антиутопии. История о тех, кто перестаёт быть продуктом идеальной системы. О бессмертных, уставших от вечности. О выборе, который меняет всё. Этические дилеммы и приключения. Интеллектуальные герои и судьба цивилизации. Противостояние любви и долга. Конфликт природы и технологий. Образный и метафоричный язык. Диктатура, которую народ выбрал сам, и реабилитация чуда. Всё, за что мы любим логику Азимова и поэтичность Брэдбери. Читайте.

© Шумихин Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	26
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	36
Глава 12	39
Глава 13	41
Г	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дмитрий Шумихин

Новолуние

Глава 1

Транспортная капсула, похожая на вытянутую ртутную каплю, неслась в потоке солнечного света, паря над магнитной лентой, натянутой между опорами. Эти опоры, словно ноги исполинских механических пауков, уходили вниз, в буйство весенней чащи. Человек возвёл дорогу в небе, чтобы не мешать земле, её древним тропам и её древним хозяевам — тем, кто рыскал внизу, в изумрудной и молодой листве.

Прошли тысячи лет после того, как человечество ушло жить в Гигаполисы, объединившись в Земную Федерацию. Люди добыли все запасы ископаемых из недр и отгородились от окружающего мира Стенами. Только после этого поверхность планеты наконец перестала фонить от их бесконечных локальных и глобальных войн за ограниченные ресурсы. Флора и фауна установили новое природное равновесие. Но для пассажиров единственного вагона капсулы полёт был не спасением, а лишь отсрочкой падения в ту самую дикую бездну.

Скар медленно возвращался из небытия. Сознание его было похоже на поврежденный экран: мерцание, помехи, обрывки сигналов. Боль в затылке отдавала глухим, отзвучавшим эхом. Она понемногу переставала принадлежать ему, становясь лишь воспоминанием, вшитым в нервные окончания.

Всё его существо пыталось сосредоточиться на другом. На пустоте в шее, под затылком. Где годами пульсировал холодок чипа, связующего его с Гармонией, теперь была затянувшаяся ранка в виде тонкой полоски запекшейся крови. Он был свободен. Свобода пахла жжёным мясом и страхом.

Веки, тяжёлые, как свинцовые ставни, наконец поднялись. Его затуманенный болью взгляд наткнулся на бледное лицо напротив. Лицо было маской отчаяния. Отёки под глазами цвета перезрелой сливы, сухие, потрескавшиеся губы.

– Ну, что, браток, хреново тебе? – Прохрипел он и сплюнул на сияющий пол, оставив неприличное пятно в стерильном мире. – Я вот уже час как в себя пришёл, а ты всё бормочешь, как подбитая падаль.

– Я... Я... Я... – Скар пытался собрать рассыпавшиеся мысли в кучу, но они не слушались, как чужие. Он дёрнул руками. Гибкие и неумолимые полимерные жгуты плотно охватывали запястья и лодыжки.

– Да знаю, я знаю, кто ты. Скар! Тупой пророк для чипированных дураков и нечипированных нищелюбов вроде меня! Плевал я на тебя, понял, гнида прошита! – Его голос сорвался на визгливую ноту, прикрытую бравадой.

– Нет... Нет... – Прошептал Скар, едва шевеля онемевшими губами.

– Что? Что ты говоришь? Говори громче, а то помрешь, так никто и не услышит! – Издёвка в его тоне смешивалась с отчаянием.

– Чипа у меня теперь нет. И я не пророк. – Скар почувствовал, как речь медленной и тягучей смолой понемногу возвращалась к нему, обретая форму.

– Да мне вообще всё равно, кто ты. Ха-ха! Эх... – Отёкшие глаза невольного попутчика стали совершенно стеклянными, уставившимися в пустоту. – Вот то, что меня не будет... Вот это действительно паршиво. Как думаешь, сколько дней мы протянем внизу?

– Эй, заткнись уже! – Прогремел голос охранника, которого Скар не замечал всё это время. Тот сидел за его спиной у пульта управления. Голос с металлическими нотками был безразличным. – Ты у меня сейчас ещё тока получишь! Первый, дай ему двойной стандартный!

– Неет! Нет! Нееет! – завыл пленник, сотрясая привязанными к потолку руками, но было поздно.

Робот-охранник, до этого стоявший у двери в позе истукана, плавно и беззвучно тронулся с места. Его хромированный корпус отсвечивал солнечные зайчики, играющие в окнах. Механические шаги были идеально выверены. Без суеты. В одной из его верхних конечностей уже был зажат шокер, испускавший тихое, зловещее гудение.

Скар закрыл глаза, он не хотел на это смотреть. Но он не мог заткнуть уши. Невозможно, с хирургической точностью безликий робот приложил электроды к телу человека. Тот вздрогнул, как марионетка, дергаясь в конвульсиях. Его крик был смесью боли, безумия и глупейшей обиды. Он проклинал робота и его производителя, охранника и его предков, весь этот бесчувственный мир.

– Достаточно! – рявкнул охранник.

Робот в ту же секунду убрал шокер в посадочный узел на своем поясе и так же беззвучно вернулся на свою позицию, словно ничего и не происходило.

– Ты просто не знаешь, кто это такой. – Охранник тяжело поднялся и подошел к Скару, указав подбородком на обмякшее тело напротив. – Ты ещё его сказки не слушал пока был в отключке.

– Да? И кто же этот несчастный? – Скар безуспешно попытался вспомнить черты этого лица в новостных сводках.

– Повар.

– Никогда о таком не слышал.

– Тут ты прав. Никто из граждан не должен был слышать о Поваре. Вся информация о нём модерировалась, строжайше ограничиваясь Корпорацией Реальности. Серийный убийца. Психопат. Чистый продукт общества.

– И что же тут предосудительного? – Усмехнулся Скар. Усмешка вышла горькой. — Мне казалось, что Лунным Корпорациям нет дела до жизни и смерти граждан Земной Федерации. Гармония стабильна.

– Так он начал жрать своих жертв, – охранник сказал это спокойно, но в его глазах мелькнула искра чего-то древнего, животного. Того, что не смогли выжечь даже корпоративные инструкции. – Выбирал только других нечипированных с Окраины. Отбросов, вроде себя. Рыскал по Лесу, убивал, отрезал куски от трупов и скрывался. Свидетелей тоже никогда не оказывалось поблизости. Делал заготовки из их мяса и складывал в морозильную камеру. Заявил, что так честнее. Цикл Гармонии замыкается без посредников.

– Как же его тогда вычислили, он же нечипированный? – Скар почувствовал, как холодная волна прокатилась по его спине.

– Он перестал покупать продукты и заказывать еду в прежнем объёме. Это обеспокоило магазин, где Повар закупался всю жизнь. Алгоритм отметил аномалию в потребительском поведении. Представители Безопасности заглянули к нему с внеплановой проверкой, а он стоит на кухне в фартуке и котлеты жарит. Свежее мясо. Из последней жертвы.

Скар молчал. Охранник отвернулся и подошёл к круглому иллюминатору в двери. За толстым стеклом внизу проплывали гранитные бока скал, увенчанные шапками лесов, дышащих свежей зеленью.

– Скоро твоя остановка, Скар. Я тоже узнал тебя.

– Так приятно быть знаменитостью. Можешь развязать мне руку, чтобы я мог почесать шею? Шрам от чипа так и зудит, будто под кожей что-то шевелится!

– Зачту это за твою последнюю просьбу. Первый, почеси ему шею. – Охранник кивнул роботу. Пока бездушная машина аккуратно, с сенсорной точностью, выполняла приказ, человек продолжал. – А пока он исполняет твоё желание, скажу. Мне ты кажешься ещё более опасным ублюдком, чем этот псих. Повар готовил, одни умирали, другие рождались. Всё произво-

дилось и всё потреблялось. Он оптимизировал процесс в своей безумной логике. А ты решил разрушить саму идею нашей всеобщей Гармонии, пойти против Федерации и Корпораций, обеспечивающих её поддержание. Твои слова опасней тысячи маньяков. Первый, достаточно! Вернись на место.

Робот замер у двери, его оптические сенсоры безразлично сканировали пространство. Охранник продолжил, заводясь, как будто его задели за живое.

– Людям нет места за Стенами Гигаполисов! Ничего кроме смерти и пустоты нет за границами Федерации! Ты решил разрушить наш мир. Тысячелетия истории тебя ничему не научили. Мы победили природу, голод, бедность, болезни, войны. Мы обрели Гармонию ценой миллиардов жизней, найдя идеальное равновесие. А ты зовешь нас назад в хаос.

– Я просто верю, что у человечества есть другой путь, – тихо, но четко сказал Скар. – Путь не против природы, а вместе с ней. Чип не объединяет нас, он отсекает нас от реальности.

– Заткнись! – Охранник взорвался. Он мгновенно подскочил к привязанному Скару и отвесил ему пощёчину внешней стороной ладони, защищенной грубой перчаткой. У Скара потемнело в глазах, в ушах зазвенело. Он сразу понял, что этот человек делегирует роботу лишь часть работы. В нём самом было слишком много невыплеснутой ярости. – За это тебя сейчас и выкинут из капсулы. Тебе хотелось за Стену своего Гигаполиса? Вали в свой «настоящий мир». – Охранник рассмеялся, и смех его был коротким и сухим. – Ха! Ха! Вот тебе и природа, которую отверг человек. Проваливай в самую чашу! Этот дивный мир без чипов и Гармонии. Ха-ха!

Скар почувствовал, как капсула, почти неслышно гудевшая все это время, начала торможение. Магнитное поле меняло направление и силу, едва уловимая вибрация стала проникать в салон. Повар на противоположной стороне вздрогнул и что-то невнятно промычал, возвращаясь к мучительному сознанию. Капсула плавно, без малейшего толчка, остановилась.

Дверь со шипящим звуком отъехала в сторону, и в стерильную атмосферу салона ворвался весенний ветер. Он принес с собой запахи влажной земли, прелых прошлогодних листьев, свежей хвои и цветущих растений. Дикая, непривычные, пугающие ароматы настоящего мира.

– Первый, отвязывай и выбрасывай Повара. Если будет дёргаться, то сломай ему руки и ноги. Выполнять! – Охранник перевёл взгляд на Скара. В его глазах уже не было гнева, лишь холодное ожидание. – Сам выпрыгнешь или тебе помочь?

– Спасибо, я сам, – Скар попытался вложить в эти слова все остатки своего достоинства.

– Первый, развяжи его, – робот, не проявляя ни малейших усилий, выбросил за дверь бьющееся в истерике тело маньяка и тут же приступил к новому указанию, освободив запястья и лодыжки Скара.

– Прощай, пророк!

Скар с трудом поднялся, потер онемевшие запястья, чувствуя, как по ним бегут иголки возвращающейся крови. Он сделал шаг к открытой двери, за которой была бездна молодой, светло-зелёной листвы.

– До встречи, – сказал он, обернувшись, глядя в глаза охраннику.

– Скорее Луна на Землю рухнет! Ха! – Охранник с силой ударил Скара сапогом под зад.

Тот полетел вниз, в пронзительную свежесть и яркий свет, раскинув руки. Падение сквозь ветви деревьев было коротким и жестким. Он приземлился на что-то мягкое, услышав хруст и глухой стон. Именно это прибило Повара. Именно это спасло Скара.

Наверху, с легким шипящим звуком, дверь закрылась. Серебристая капсула слезой плавно тронулась с места, набирая скорость, умчалась по магнитной ленте и растворилась в солнечных бликах. Она везла своего охранника и его безмолвного механического спутника к следующему Гигаполису, к следующему приговору.

Глава 2

Первым пришло сознание боли. Оно пронзило его прежде, чем вернулось зрение. Прежде, чем он осознал, кто он и где. Боль была Вселенной. А он был крошечной точкой в её центре. Острый, жгучий огонь в рёбрах. Тупая, размытая ноющая пустота в голове. Повсюду холод. Влага попала под его тюремный комбинезон, забирая последнее тепло.

Скар застонал и попытался пошевелиться. Что-то хрустнуло и мягко подалось под ним. Он с трудом откатился в сторону, на колючий ковёр из мокрой листвы, и увидел то, что спасло ему жизнь. Повар. Его тело лежало в неестественной позе, шея была вывернута под невозможным углом. Глаза, еще несколько часов назад полные животного ужаса и злобы, теперь были пусты и остекленели. На его бледном лице застыла гримаса не столько ужаса, сколько глубочайшего удивления. Скар почувствовал спазм в горле, его вырвало скудной тюремной похлебкой прямо на сапоги мертвеца.

Он отполз, опёрся спиной о шершавый ствол сосны и стал медленно, методично ощупывать себя. Рёбра с левой стороны отзывались пронзительной болью. Ушиблены или надломлены. Всё тело было одним большим синяком. Но он был жив. Жив в мире, который, по уверениям охранника, должен был его убить за считанные часы.

Ветер шелестел верхушками исполинских деревьев, с которых капала влага после дождя. Где-то вдали каркала ворона. Воздух был густым, насыщенным и непривычным. Гниющие листья, влажная земля и что-то ещё. Незнакомое. Дикое. Это был запах реальности, не отфильтрованной системами вентиляции, не синтезированной для поддержания настроения. Это был запах жизни и смерти, переплетённых в одном дыхании.

Он посмотрел вверх. Стройные опоры магнитной дороги возвышались над деревьями, теряясь в низком тумане. Они были похожи на костяные пальцы гиганта, пронзившие плоть земли. По ним, в направлении, откуда они приехали, беззвучно проносились серебристые капсулы. Они казались призрачными мимолётными видениями из другого мира. Мира, который он назвал тюрьмой, за призывы покинуть который был изгнан в эту... В эту что? Пустоту? Слишком полная жизни Пустота, чтобы быть пустотой.

Мысль была еретической. Её следовало бы немедленно стереть, если бы в его мозгу работал чип, подключённый к Гармонии. Но чипа не было. Только шрам и зудящая память о нём.

Он не смог долго двигаться в тот день, остановившись недалеко от ручья. Лихорадка сдавила его чугунными тисками. Скар спрятался в дупле древнего дуба, подложив под себя листья, и метался между забытьём и болью. Мир расплывался и пульсировал. В моменты ясности он пил дождевую воду с листьев и жевал мох, чтобы утолить сухость во рту. Он попытался подползти к ручью, но потерял сознание от усилия. Очнулся, лёжа лицом в грязи, всего в метре от своего укрытия. Его единственной целью было не умереть до завтрашнего дня.

С наступлением сумерек холод усилился. Звёзды, которых он никогда не видел сквозь ночной свет Гигаполиса, вспыхнули на небе с такой яростной, безжалостной яркостью, что стало страшно. Они были безразличны. Как и Луна, покрытая сверкающим морем солнечных батарей. В Центе Гигаполиса даже ночное небо было рукотворным, успокаивающим, сиреневатым от отблесков неоновых реклам. Здесь же чернота была абсолютной, а звёзды — бесчисленными иглами, вонзающимися в его незащищённую психику.

Сон приходил урывками, прерываемый криками ночных животных, непонятным скрежетом и всепоглощающим холодом. Он думал о тёплых, стерильных кварталах Гигаполиса, о ровном гудении систем жизнеобеспечения, о горячей пище. Он понимал, что даже самая серая и предсказуемая жизнь гражданина с Окраины была сейчас для него недостижимым раем. Но он не хотел возвращаться в этот рай. Он хотел доказать, что есть нечто другое. Хотя бы себе.

Дни болезни слились в мучительную мусть. Он полз к ручью, чтобы напиться. Находил кислые ягоды и жевал их, не думая о последствиях. Организм, лишенный чипа и синтетических добавок, медленно, с трудом, но начал бороться. Эта борьба была его первым настоящим актом свободы.

Именно голод заставил его впервые осмотреться не как жертва, а как потенциальный хищник. Он нашел гнездо какой-то птицы с невзрачными серыми яйцами. Разбил одно и выпил липкую, тёплую жидкость. Потом съел ещё два. Вкус был странным. Тело, получив белок, отозвалось приливом слабой, но реальной энергии. Это был его урок. Жизнь отнимает жизнь. Гармония, о которой твердили в Гигаполисе, была и здесь.

Мысль двигаться вдоль трассы пришла позже, когда боль в рёбрах сменилась постоянной ноющей ломотой, а невыносимый голод стал фоном существования. Он знал только одно направление. Туда. Откуда пришла капсула. Опора дороги, видневшаяся сквозь деревья, стала его единственным ориентиром. Он не шёл. Он перемещался, делая по несколько сотен шагов в день, а потом отдыхал, набираясь сил. Это был не путь, а медленное, мучительное смещение в пространстве.

Он научился различать звуки. Резкий, трескучий крик — сойка, предупреждающая лес о его присутствии. Глухой стук — дятел. Шуршание в листве — чаще всего ящерица или мышь. Потом он увидел лося. Исполинское, величественное животное прошло в двадцати шагах от него, даже не удостоив его вниманием. В тот момент Скар почувствовал себя ничтожным. В этом было странное утешение. Он был частью системы, которая не требовала от него ничего, кроме как быть.

Огонь стал навязчивой идеей. Он перебирал камни у ручья, ударяя их друг о друга в надежде увидеть искру. Недели уходили на эту бесплодную работу. Он собрал сухой мох и бересту для трута, но искры не было. Холод и сырая пища съедали его изнутри. Он почти оставил попытки, когда однажды случайный удар двух темно-серых камней высек яркую, короткую вспышку. Его сердце колотилось. Он поднёс камни к труту и бил снова и снова, пока пальцы не стёрлись в кровь. И в одну из ночей, когда отчаяние было уже сильнее страха, тонкая струйка дыма поднялась из трута, а затем вспыхнуло крошечное пламя. Он плакал, раздувая его, подкладывая щепочки. Это был его первый триумф над миром.

Оружие рождалось так же медленно. Сначала была просто заостренная палка. Потом он привязал к ней острый осколок камня полоской, вырезанной из собственного комбинезона. Получилось нечто неуклюжее, но способное резать и копать. Рыбу он не мог поймать копьём. Вместо этого он сплёл из гибких прутьев подобие воронки и поставил её в узком месте ручья. Первую рыбёшку он нашел в ней через три дня. Потом он сделал ещё ловушки. Каждый новый навык приходил ценой голода, ошибок и времени.

Так, день за днем, неделя за неделей, Скар умирал и рождался заново. Умирал Скар-гражданин, Скар-программист, Скар-мечтатель. Рождался Скар-зверь, Скар-охотник, Скар-выживальщик. Его кожа покрылась загаром и шрамами, волосы и борода отросли, спутались в колтуны. Он научился читать следы на земле, понимать язык ветра и предсказывать погоду по облакам. Он больше не боялся ночи под взором холодной Луны. Звёзды стали для него картой, часами и единственными друзьями.

Он шёл вдоль магнитной трассы. Пейзажи за окном капсулы, мелькавшие когда-то безмолвной картинкой по туристическому пути из одного Гигаполиса в другой, теперь стали его реальностью. Он пересекал бескрайние степи. Ветер выл так, что не было слышно собственных мыслей. Он брёл через болота. Каждый шаг мог стать последним, а тучи комаров вились над ним плотным жужжащим облаком.

Осень сменилась зимой. Иногда снег заметал следы, и мир становился монохромным и безмолвным. Добывать пищу стало почти невозможно. Тогда его спасли подготовленные запасы. Он голодал, перебиваясь падалью, жевал кору, сосал лёд, согреваясь у огня в пещере.

Весна пришла с паводками и грязью, но принесла первые побеги и вернувшихся птиц. Лето было периодом относительного изобилия. А потом снова осень. И снова зима, к которой Скар уже был лучше готов.

Он перестал вести счёт дням. Они слились в череду восходов и закатов, удачных охот и голодных дней, болезней и выздоровлений. Его цель — дойти до стен Гигаполиса из отчаянного порыва превратилась в подсознательный, глубоко введшийся инстинкт. Как перелёт птицы. Он уже не думал, зачем ему это нужно. Чтобы доказать что-то? Чтобы отомстить? Или просто потому, что дорога была единственным, что связывало его с прошлым «я»?

Иногда в особенно ясные ночи, глядя на холодные звезды, он вспоминал лица людей. Лицо матери. Коллег по Корпорации Образования. Девушки, с которой когда-то встречался. Но они расплывались дымом, уступая место четким, ярким образам. Морда оленя, испуганно взглянувшего на него перед тем, как он пустил стрелу. Извилистая тропа, оставленная на песке змеёй. Узор из прожилок на увядающем листе клёна.

Однажды, перебираясь через высохшее русло реки, он наткнулся на останки. Это был скелет, почти полностью ушедший в землю. Рядом валялись лоскутья ткани неестественно яркого, невыцветшего оранжевого цвета. Тюремный комбинезон, чья синтетическая ткань не поддалась гниению. Ещё один изгнанник. Скар остановился над ним на несколько минут. В его душе не было ни страха, ни печали. Было лишь холодное понимание. Ему повезло больше. Он пока был частью этого мира, а этот человек уже стал его жертвой.

Его путь был не прямолинейным маршем, а бесконечным блужданием вдоль стального хребта цивилизации. Он обходил опасные места. Терял направление и находил его вновь, поднимаясь на возвышенности, чтобы одним поздним летним вечером наконец увидеть далёкие, мерцающие огни Гигаполиса. И вот лес начал редеть.

Сначала это была просто полоса на небе неестественного сиреневато-белого цвета, как светящийся туман. Но с каждым днём, с каждым пройденным шагом полоса росла, становилась плотнее. Пока не превратилась в Стену. Она была такой высокой, что верх её терялся в низких облаках. Она казалась бесконечной, опоясывающей мир. От неё исходило слабое, но явственное гудение. Голос гигантских генераторов, систем фильтрации, всей той титанической машины, что звалась Гигаполисом.

Скар стоял на краю леса и смотрел на это одно из величайших творений человечества. Памятник его власти или страха перед природой. Перед хаосом. Перед самим собой. Он был оборванцем, дикарём, покрытым шрамами и грязью, пах дымом, потом и кровью.

Глава 3

Туннель. Чёрная бездна в ослепительно белой стене, утыкалась магнитным рельсом прямо в массивные металлические ворота. Они были похожи на веко гигантского киборга, сомкнутое в ожидании сигнала к пробуждению. Тело грузчика Барри давно стало инструментом, приложенным к системе. Он точно знал, что скоро ворота откроются, чтобы проглотить очередную грузовую капсулу Корпорации Логистики. Он стоял на платформе в ожидании прибывающего с минуты на минуту груза, и его манила недоступная прохлада темноты туннеля. Но зона его ответственности была здесь, под палящим солнцем, которое уже второй час безраздельно царило в зените, превращая металл платформы в раскалённую сковороду, а воздух — в расплавленную массу.

Жара была физическим давлением, заставляющим сердце биться чаще, а лёгкие — работать с перегрузкой. Барри прислонился к стене склада, пытаясь поймать ртом хоть глоток менее раскалённого воздуха. Перед глазами снова проплыли вчерашние события кадрами старой голограммы. Стерильный кабинет, безразличный голос доктора, мерцающий экран с диагнозом.

Некоторые отклонения в показателях... Индекс массы тела... Алгоритмы управления персоналом могут выдать рекомендацию... За всеми словами скрывался простой, грубый приговор. Ты больше не эффективен. Ты брак, подлежащий утилизации.

Он не боялся бедности. Пенсия гарантировала ему предсказуемое существование в рамках потребительского индекса. Он боялся чего-то другого. Его жизнь с самого интерната для рабочего персонала, была подчинена ритму смен, гулу машин, весу ящиков в руках. Нейропрограммирование сделало его идеальным менеджером роботов-грузчиком. Лишить его работы значило вырвать самую суть, оставив лишь биологическую оболочку, доживающую свой век в цифровых продуктах виртуального мира Корпорации Реальности.

Пять роботов, закреплённых за ним, стояли чуть поодаль, у двери на склад. Безжизненные, хромированные, они напоминали древних стражей, застывших в ожидании приказа. Их корпуса не блистали новизной. Были видны сварные швы, заплатки, краска, скрывающая следы бесчисленных ремонтов.

Барри смахнул рукавом пот, застилавший глаза. Активировал консоль на запястье. Экран, старый, потрескавшийся, выдал помехи. Полосатый хаос, сквозь который едва проступали цифры времени. Корпус консоли был из вторсырья трёхсотой переплавки. Дополнительные редкоземельные элементы для нового дисплея ему, как работнику Украины, не полагались. Сменщик опаздывал. Уже целый час. В такую жару это было равносильно пытке.

– Первый, Второй, Третий, Четвёртый, Пятый, активируйтесь! – Его голос прозвучал хрипло и устало.

На роботах загорелись светодиоды. Яркие красные точки. Пять оптических сенсоров, пять неморгающих глаз, уставились на него с бездушной точностью. Даже посреди жары позднего августа по спине Барри пробежал знакомый холодок. Эти взгляды всегда напоминали ему, что он — всего лишь временный управляющий, биологическое звено в системе, которое можно заменить.

– Идите в зону выгрузки, вставайте в цепочку, будете передавать друг другу ящики. – Он прервался, переводя дух. Воздух, казалось, стал ещё гуще.

– Задача не принята! – прозвучал почти что хор из пяти динамиков, идеально синхронизированных. – Уточните порядок расстановки команды в цепочке. Уточните место начала цепочки. Уточните место окончания цепочки.

– Долбанные робы, – проскрежетал Барри себе под нос, чувствуя, как ярость подкатывает к горлу. – Я не закончил формулировку задачи, не перебивать меня!

– Эй, Барри, привет! Совсем крыша от жары у тебя поплыла! – Раздался знакомый голос, и из прохладного мрака склада появился Ларри. Его тщедушная фигура и басистый голос всегда составляли забавный контраст. – Срываться на робов — последнее дело. Дальше будешь с ящиками разговаривать? Тебя со склада слышно. Передавай мне управление, я уж разберусь.

– Наконец-то! – Барри почувствовал, как слабость наступает после волн облегчения и раздражения. – Ты мне должен, Ларри, мелкий засранец, отвечаю, должен! Почему не отвечал на звонки?

– Должен, здоровяк, не спорю. Но сначала выслушай историю! Консоль моя пропала! Представляешь? Лёг спать, будильник поставил, а просыпаюсь — консоли нет! Нигде! Её же на запчасти могли раскулачить...

– Нет, Ларри, дружище, в следующий раз. – Барри махнул рукой, чувствуя, как последние силы покидают его. Жара, стресс, страх. Всё сомкнулось в тугой узел где-то в груди. Он сделал несколько шагов к спасительной прохладе склада, дошёл до самого проёма. И тут мир резко ушёл из-под ног. Он рухнул на раскалённый металл платформы. Рефлекторно выставив руки, он всей своей массой обрушился на хрупкую консоль на запястье. Раздался короткий, сухой хруст. Экран погас. А с ним — и надежда на быстрый вызов помощи.

– Барри! Барри! Бааариии!!! – Ларри, забыв о своих роботах, бросился к другу, безуспешно пытаясь растормозить его. – Первый, ко мне! Помоги поднять Барри!

Но роботы оставались безмолвны и неподвижны, как скалы. Механизмы замерли в режиме ожидания, не получив указаний от своего текущего менеджера. Новый менеджер не прошёл процедуру передачи управления. Их сенсоры отключились. Для них происходящее перестало существовать.

Ларри попытался поднять огромное тело сам, ухватившись под мышки, но это было бесполезно. Барри был неподъёмным. Отчаяние Ларри достигло пика, когда его крик потонул в нарастающем завывании сирены. Уууаааууу – уууаааууу!

Ворота в конце туннеля начали медленно, с низким гудением, расходиться в стороны. Капсула приближалась. Лимитированные ресурсы перерабатывались и перераспределялись в бесконечном цикле между Гигаполисами. Датчики, камеры, системы слежения. Всё это расходует редкие элементы, энергию, вычислительную мощность. Их ставят только там, где риск невыполнения плана перевешивает стоимость.

Данная погрузочная платформа на окраинном терминале в этот расчёт не входила. Сломанные датчики движения на платформе так и не заменили. Не было квоты на материалы. Устаревшие камеры с мутными линзами видели только зону ворот, ровно столько, чтобы подтвердить прохождение капсулы. Для Логистики платформа числилась «технической зоной с низким трафиком». Два человека на ней были статистической погрешностью, которую дешевле игнорировать, чем учитывать.

Ларри была нужна помощь, и он побежал к платформе, надеясь, что в капсуле окажется человек. Но приближающийся состав был автоматическим. Без окон. Безлюдный и смертоносный в своей эффективности. И тут он увидел. Фигура, возникшая в темноте туннеля из-за Стены. Человек, нарушая все мыслимые правила безопасности, рванул прямо под носом у приближающейся капсулы. Расстояние между корпусом поезда и стенкой туннеля было смертельной ловушкой.

– Беги, парень! Беги! Беги! Сейчас тебя размажет по стенке! Ещё немного! Беги! Капсула уже за тобой! – Ларри кричал, вложив в крик всю свою надежду. – Беееегииии! Прыгай! Прыгай!!!

В последнее мгновение, когда серебристая громада капсулы уже была готова вырваться из туннеля, незнакомец совершил отчаянный прыжок, шлёпнувшись на гравий под платформой. Капсула пронеслась рядом с ним шипящим звуком сжатого воздуха, и ворота с грохотом захлопнулись.

Ларри, не раздумывая, спрыгнул с платформы и подбежал к незнакомцу. И только теперь он смог его разглядеть. То, что он увидел, заставило его замереть на месте с открытым ртом. Этот человек не был похож ни на кого из тех, кого Ларри видел в Гигаполисе. Он был одет в лохмотья, сшитые из шкур неведомых животных. Его лицо, тёмное от загара и грязи, было испещрено шрамами. Длинные, спутанные волосы и борода скрывали часть лица, но не могли скрыть взгляд. Взгляд был спокоен, остр и невероятно устал. Он принадлежал бескрайним просторам, ветру и ночам у костра. Но больше всего Ларри поразило оружие за его спиной. Лук, сделанный не из полимерных композитов, а из живого дерева. Колчан со стрелами, оперёнными, судя по всему, настоящими птичьими перьями. Такой архаики он не видел даже в исторических симуляциях.

– Кто ты такой? – прошептал Ларри.

Но тут он вспомнил о Барри. Неважно, кто этот человек. Важно, что он был единственной надеждой.

– Пойдём, пойдём со мной, пожалуйста! Мой друг погибает там, ему нужна помощь! – Ларри затараторил, хватая незнакомца за рукав его странной одежды. – Он такой тяжёлый! Я его сдвинуть с места не могу! Помоги! Ты сможешь? Ты понимаешь меня?

Незнакомец медленно поднялся. Его движения были плавными, полными скрытой силы, как у хищника. Он окинул взглядом платформу, распластанное тело Барри, метущегося Ларри. На мгновение его взгляд задержался на неподвижных, поцарапанных роботах. В глазах незнакомца, лишённых страха и удивления, мелькнуло что-то, похожее на презрение или глубокую, укоренённую жалость. Холодная оценка ситуации.

– Веди, – произнёс он. Голос его был низким, хриплым, и в нём была такая бездна спокойной уверенности, что Ларри тут же утихомирился.

Вдвоём они вскарабкались на платформу. Незнакомец, не говоря ни слова, без видимых усилий подхватил Барри под мышки, в то время как Ларри взял его за ноги. Они потащили его прочь от палящего солнца к спасительной двери склада. Ларри, задыхаясь, бросал взгляды на своего невероятного спасителя. От него пахло дымом, землёй, потом и чем-то ещё. Диким и чужим. Запахом мира, где не считают каждый грамм металла и ватт энергии. Это был запах мира, о котором Ларри знал лишь по виртуальному миру Реальности.

Дверь склада захлопнулась за ними, отсекая раскалённый ад снаружи. Они стояли в стерильном, залитом искусственным светом помещении, где царил ровный гул кондиционеров, питающихся от центральной энергосети. Двое граждан Гигаполиса и один человек из ниоткуда. Живое доказательство того, что за Стеной можно жить, не оглядываясь на квоты Ресурсов. Первый вернувшийся изгнанник за всю историю Гармонии, считавшейся вечной в своей неизменности.

Глава 4

Стерильный холод склада обжёг Скара после адской жары снаружи. Воздух пах озоном и смазкой. Это был знакомый запах цивилизации, от которой он отвык за годы скитаний. Но сейчас было не до воспоминаний. Он и низкорослый человечек по имени Ларри уложили массивное тело грузчика Барри на пол.

– Скорая! Нужно вызвать скорую! – Метался Ларри, тыча пальцами в неработающую консоль на запястье Барри. – Все коммуникации через консоль, ты понимаешь? А она разбита! Робы не реагируют на мои приказы! Что делать?!

Скар не отвечал. Он опустился на колени рядом с Барри, откинул ему голову, проверил дыхание. Оно было хриплым, прерывистым. Пульс на шее — частым и нитевидным. Он положил ладони на грудь грузчика, ощутив под тонкой тканью униформы жировые складки и дряблую мускулатуру. Тело, выращенное в неволе, не приспособленное к настоящим испытаниям. Скар закрыл глаза, отрешившись от паники Ларри, от гула систем склада. Он вспомнил знания, добытые ценой крови и голода.

– Снимай свою футболку, намочи её и положи ему на голову, – коротко проинструктировал он Ларри. – И подними ему ноги.

Тот кивнул, привыкший к чёткому исполнению команд, и бросился к диспенсеру за водой для изготовления холодного компресса. Пока Ларри хлопотал, Скар расстегнул Барри комбинезон, ослабил все застёжки, пытаясь улучшить кровоток. Его взгляд упал на панель управления складом на стене. Сложный интерфейс с десятками кнопок и сенсорным экраном.

– Эй, что ты делаешь? Это для управления складом! Только для авторизованных пользователей! – Испуганно прокричал Ларри, возвращаясь с мокрой футболкой.

Скар проигнорировал его. Его грубые пальцы с неожиданной ловкостью пробежали по сенсорной панели. Годы жизни в реальном мире не стёрли из памяти язык кодов и интерфейсов. Он был одним из лучших программистов своего поколения. Тем, кто точно знал, где искать в системах брешь.

– Система, экстренный вызов Корпорации Здоровья, – произнес он четко.

– Голосовая идентификация не распознана. Доступ запрещён, – безразлично ответил электронный голос.

– Я знаю бэкдор, – не оборачиваясь, сказал Скар Ларри. Тот смотрел со смесью ужаса перед количеством совершаемых на его глазах нарушений и слабой искоркой надежды в того, кто эти нарушения совершал. – Старые протоколы. Они думают, что их залатали.

Его пальцы затапцевали по экрану, вызывая скрытое меню. Он вводил команды, которые не использовались тысячи лет, обходные пути, оставленные когда-то самими создателями системы на случай чрезвычайных ситуаций. За несколько дней до ареста он случайно наткнулся на информацию об этих протоколах, просматривая результаты парсинга лунных серверов, взломанных его командой. Тогда он не знал, на что потратить возможность обратиться ко всему миру. Он понимал, что после того, как он воспользуется этой лазейкой в Реальности, программисты Безопасности закроют её навсегда.

– Служба экстренного реагирования подключена, – наконец объявила система. – Сообщите характер происшествия.

– Тепловой удар. Потеря сознания. Координаты: складской комплекс 670-112-Дельта, – быстро сказал Скар, заметив номер склада на стене. – Жизнь гражданина в опасности.

– Подтверждено. Бригада выезжает. Ожидайте.

Ларри выдохнул с облегчением, почувствовал себя уверенней и принялся поправлять холодный компресс Барри на голове, стараясь не думать о грубых нарушениях всех мыслимых инструкций, которые только что совершил незнакомец. Скар же отошел от панели. Его взгляд

упал на огромный настенный экран, который обычно показывал графики поставок и отгрузок. Сейчас он был погашен.

Старые протоколы. Мысль пронеслась в его голове, как искра. Он снова подошел к панели. Его пальцы снова задвигались.

– Что ты делаешь теперь? – испуганно спросил Ларри, не отрывая рук от компресса. – Помощь уже едет!

– Помощь одному человеку — это капля в море, – тихо, но так, что каждое слово прозвучало с металлической чёткостью, ответил Скар. – Эта система способна на большее.

Потребовалось время, но он нашёл то, что искал. Скрытый узел связи, не контролируемый цензурой Реальности. Аварийный канал, предназначенный для оповещения всего Гигаполиса в случае природной катастрофы. Артефакт из доисторических времён, когда стены ещё не были возведены, и природа ещё могла вторгаться в жизни людей.

В этот момент дверь склада распахнулась. Ворвалась медицинская бригада из двух санитаров с оборудованием. И два робота-охранника с шокерами наготове. Стало очевидно, что использование нестандартных протоколов привлекло внимание Безопасности. Оптические сенсоры роботов сразу же сфокусировались на Скаре.

– Отойдите от панели управления! – скомандовал робот. – Нецелевое использование интерфейса! Вы нарушаете Регламент!

Ларри инстинктивно отпрянул, но взгляд его прилип к спине Скара. Этот человек только что спас Барри. Нарушил всё, что можно, но спас. А теперь говорил о чём-то большем. Ларри слушал, и в нём боролись страх и странное, щемящее любопытство.

Скар не повернулся. Он закончил вводить последнюю команду. И на огромном экране над их головами вспыхнуло его лицо. Лицо, которого не видели годами. Обросшее, исхудавшее, изможденное, но с горящими глазами.

Его голос, усиленный системой, громоподобно разнесся по всему складу. Через мгновение он уже разносился по тысячам таких же складов, цехов, общественных пространств и жилых кварталов по всем секторам Гигаполиса.

– Граждане Земной Федерации! Проснитесь! Люди, рожденные в золотых цепях Гармонии! Я — Скар. Меня изгнали за Стену, чтобы я умер. Но я вернулся. Я в логистическом комплексе 670-112-Дельта. И я принес вам правду. Правду о том, что пустоты нет! За Стеной — не смерть, а жизнь!

Слова падали в тишину сознания Ларри, как камни в стоячую воду. Золотые цепи Гармонии... Он никогда не думал о своей жизни так. Это была просто жизнь. Удобная, предсказуемая. Но теперь, слушая этот хриплый, полный силы голос, он вдруг ощутил её тесной. Он смотрел на санитаров, подключавших Барри к аппаратам, на роботов-охранников,двигающихся к Скару, и видел в этом отлаженном действии не спасение, а движение механизма. Бесчувственного и безостановочного.

По всему Гигаполису люди замирали у экранов. В цехах, где монотонно печатались продукты. В офисах, где бежали строки кода. В квартирах, где потреблялся предписанный развлекательный контент. Это был голос из другого мира. Голос, который будил что-то древнее, дремавшее глубоко внутри.

– Довольно прятаться за Стенами! Мы должны отказаться от Гармонии! От контроля рождаемости! Мы должны строить новые города под открытым небом! Создавать космические корабли, колонизировать Венеру, Марс, лететь к другим звездам! Это – наше предназначение! Не существовать, а жить! Не выживать, а покорять!

В этот момент охранники схватили его. Шокеры с шипением впились в его тело. Скар дёрнулся в судорогах, но его голос, записанный и усиленный, уже несся по сети, как вирус. Слово было посеяно.

В разных концах Гигаполиса те, кто годами тайно симпатизировал идеям Скара, те, кого тошнило от Гармонии, получили сигнал. Они были техниками, инженерами, программистами низшего звена. Они знали системы. И они начали действовать. Не с масштабных захватов. Для этого не было ни сил, ни времени. Они взламывали локальные узлы связи Окраины и Средних секторов, создавая мёртвые зоны для систем слежки. Они направляли потоки ложных данных в системы Безопасности, вызывая хаос в логистике роботов-патрулей. В Центре группа в мэрии не захватила её, но сумела заблокировать протоколы автоматического подавления инициативы, парализовав на несколько критических часов административный аппарат.

Гигаполис, этот отлаженный механизм, дал первые, робкие сбои. Сирены визжали вразнобой. Роботы-охранники, получая противоречивые команды от взломанных систем, замирали на перекрестках или начинали бесцельно патрулировать одни и те же коридоры. Паника была пока тихой, цифровой, но она расползалась по сетям быстрее любого вируса.

Ларри, стоя над телом друга, которого укладывали на каталку санитары. Не существовать, а жить... Эти слова эхом отдавались у него в голове. Он смотрел на побледневшее лицо Барри, на холодный порядок склада, на свою собственную дрожащую руку. И впервые за всю свою жизнь, запрограммированную и предсказуемую, Ларри подумал не о Регламенте, не о безопасности, а о чём-то невероятном. Мысль была робкой, обрывочной, но она была. Что, если в этом безумии есть доля правды? Что, если мы и есть те, кто спит?

У входа на склад собиралась толпа нечипированных граждан Окраины. Сначала десяток человек, потом сто. Они не знали, что делать. Они смотрели на роботов-охранников, волокущих бесчувственного Скара. Они смотрели на огромный экран, где ещё секунду назад горело чужое, дикое лицо. И в их глазах, привыкших к покорности, читался немой вопрос, который вот-вот должен был превратиться в требование. А вопросы — самая опасная сила во Вселенной. Сильнее любого оружия, сильнее любой Стены.

Глава 5

Полная Земля висела над лунным горизонтом, ослепительная и хрупкая, словно синеватая фарфоровая безделушка, забытая в чёрном бархате космоса под россыпью звёзд. Под пеленой облаков, похожих на застывшую пену, угадывались лазурные пятна океанов. На одном из материков терминатор — ровная, безжалостная линия, отделяющая день от ночи — рассекал пополам Гигаполис. Одна его половина уже загорелась мириадами электрических огней, словно рассыпанные бриллианты, другая еще купалась в багровых лучах заката.

Земной свет, холодный и отраженный, разгонял густую тьму лунной ночи. Серебрил реголит на равнинах. Скользил по бескрайнему морю солнечных батарей, спавших в ожидании своего светила. Играл на идеальной поверхности купола Совета Директоров Лунных Корпораций.

Под этим куполом, непроницаемым для любого вредоносного излучения, царила атмосфера, стерильная и холодная, как вакуум за его пределами. Здесь, в слабой лунной гравитации, парили селены — генномодифицированные аристократы Луны. Директора Корпораций, правившие человечеством из своей космической крепости.

Их тела были плодом столетий генетики и целенаправленной эволюции в условиях низкой гравитации. Высокие, около двух метров, невероятно хрупкие на вид, с удлинёнными конечностями и тонкими пальцами, идеально приспособленными для работы с сенсорными интерфейсами. Кости, усиленные полимерными матрицами, были легче земных, но прочнее титана. Кожа, никогда не знавшая земного солнца, имела фарфорово-бледный, почти сияющий оттенок, сквозь который просвечивали синеватые тени вен. Их глаза, большие и глубоко посаженные, имели зрачки, способные расширяться до размеров всей радужки, чтобы улавливать малейшие проблески света в кромешной тьме.

Но главным их инструментом были не тела, а разумы. На их головах сияли обручи из белого металла — приборы, позволявшие им общаться друг с другом со скоростью мысли. Они были бессмертны в своей сменяемости. Когда их биологическое тело начинало стареть, его сознание, вся память и личность, переносилось в новый, выращенный в лаборатории клон. Они были хозяевами времени. Операционное управление Корпорациями они успешно делегировали уже много тысяч лет назад.

Большую часть своего вечного существования они проводили в анабиозе, погружённые в неведомые землянам сны. Пробуждались лишь для проведения внутренних собраний и решения сложнейших циклических кризисов, когда земные политики и управляющие Корпорациями, зашедшие в тупик, призывали их на помощь. Пробуждение занимало многие часы. Их разумы, заточенные под системное мышление, не могли включиться мгновенно. Сейчас, после недавнего выхода из анабиоза, они с высоты пирамиды человеческой цивилизации смотрели на Землю как на обезумевший муравейник, требующий точечной коррекции.

В центре этого полукруга парящих существ, примагниченный к полу подошвами ботинок, стоял Президент Земной Федерации. Молодой, амбициозный, один из самых юных лидеров в истории Гармонии. Сейчас он чувствовал себя мальчишкой, забредшим в собор титанов. Его земное тело, плотное и мышечное, казалось здесь грубым анахронизмом.

— ...Таким образом, мы столкнулись с небывалой ситуацией, — его голос, отточенный на тысячах выступлений, звучал громко, но пусто под безразличным куполом. — Гармония находится под угрозой! — Последние слова он почти выкрикнул, и эхо раскатилось под сводами, одинокое и никчемное. Он сделал паузу, пытаясь добавить драматизма, но его риторика разбивалась о ледяное спокойствие селенов. — Я переговорил с мэрами всех десяти Гигаполисов. Мы все требуем от Совета Директоров вмешаться в происходящие события. Мы считаем, что это ваше упущение, директор Торн!

Он попытался поймать взгляд директора Безопасности, но тот левитировал с закрытыми глазами. Его длинные, тонкие пальцы были сложены в замок на груди. Левитация была простым делом для селенов. Их сапоги создавали переменное магнитное поле, отталкиваясь от силовых линий, генерируемых полом. Это спокойствие, более унизительное, чем любое пренебрежение, заставило кровь ударить в виски президента.

– Сил безопасности одного Гигаполиса явно недостаточно, чтобы навести порядок! Где Вы были, директор Торн, когда формировалось ядро подполья среди нечипированных граждан? А когда к ним начали примыкать вполне приличные и состоятельные люди? А?!

Он ждал ответа, чувствуя, как горит лицо. Его гнев, тщательно выверенный и дозированный вначале, теперь бушевал по-настоящему.

– Мэр пострадавшего Гигаполиса требует дополнительных робов и агентов для наведения порядка! Отряды самообороны не справляются! Нам нужны конкретные сроки! Все десять мэров единогласно требуют, чтобы именно Вы понесли ответственность! Бизнес требует возмещения убытков! Мы не желаем краснеть перед нашими избирателями! Правительство Федерации снимает с себя всю ответственность! О вашем наказании, господин Торн, мы поговорим позже!

Он замолчал, ожидая, что эта угроза, облеченная в вежливые формы, наконец-то пронзит броню безразличия.

Воцарилась тишина, столь же полная, как и в открытом космосе. Селены продолжали свой безмолвный диалог, обручи на их головах вспыхивали и гасли, словно светляки в ночи. Они обменивались целыми массивами данных, сложными прогностическими моделями, оценивая ситуацию с холодной, нечеловеческой эффективностью.

– Эй! С кем я разговариваю? Отвечайте! – его голос сорвался на фальцет, выдавая юношескую неуверенность.

Торн открыл правый глаз. Радужная оболочка была цвета ледника. Взгляд, лишенный всякой теплоты, пронзил президента насквозь.

– Вы ещё здесь? – произнес Торн синтезированным голосом, который, казалось, исходил из самого воздуха. – Вы можете быть свободны.

– Чтооо? – прошипел президент. Он побледнел, его кулаки сжались так, что ногти впились в ладони.

– Хотя... Если желаете, то можете остаться. Мы соблюли все процедуры, теперь мы можем действовать, – Торн снова закрыл глаз, словно ярлык «президент» не стоил и секунды его внимания.

– Да как ты смеешь! – Первобытный крик вырвался из груди землянина. Забыв о лунной гравитации, он рванулся вперед, желая врезать этому хладнокровному истукану. Он неуклюже оттолкнулся, но не пролетел и метра. Торн открыл левый глаз. Магнитные подошвы ботинок президента с глухим стуком приклеились к полу. Инерция потащила его тело вперед, и он с размаху рухнул, распластавшись на холодном полу. Боль пронзила лицо и локти. Он приподнялся, пытаясь высвободить ноги, но ботинки держались мёртвой хваткой. Теплая кровь из разбитого носа капала на идеально чистый пол.

Беспомощность. Унижение. Слезы подступили к глазам. Он снова стал тем маленьким мальчиком, когда-то застрявшим ногой в трещине на платформе. Слишком увлёкся игрой, генерируемой его новеньким чипом. Виртуальный мир Реальности был таким ярким, таким захватывающим...

Собрав волю в кулак, он утёр кровь и сопли рукавом дорогого костюма. Решимость, горькая и отчаянная, вернулась к нему. Он расстегнул ботинки и встал босиком на ледяной пол. Сделал шаг. И остановился.

– Не надо, дорогой, – в его сознании прозвучал ласковый, до боли знакомый голос. Голос его матери, давно умершей. Ему, рождённому в привилегированной семье из Центра, было даровано счастье знать своих родителей. – Ты так устал, мой хороший.

– Мама! Где ты? Мама, я так скучал! – Он рухнул на колени. Рыдания вырвались наружу. Вся его напуская важность, весь гнев испарились, оставив лишь испуганного ребёнка.

– Я здесь, я рядом, посмотри на меня.

Он поднял голову и увидел её. Одна из селен выплыла из тени. Её фарфорово-бледное лицо было лишено морщин, а большие глаза смотрели с материнской нежностью. Обруч на её голове сиял мягким, теплым светом. В этом свете ему мерещилось окно их старого дома. Огонёк в ночи.

– Ты сделал всё, что мог, дорогой. Ты такой молодец, я так горжусь тобой, – её длинные, тонкие пальцы с холодной кожей коснулись его щеки. Он почувствовал невыносимо нежное, согревающее прикосновение. Это была не просто тактильная иллюзия. Это был прямой сигнал, идущий в центр удовольствия его мозга, минуя все критические барьеры. – Спи, сыночек, спи.

Волна абсолютного, блаженного покоя прокатилась по его телу, исходя из чипа. Его мышцы обмякли, сознание погрузилось в пучину искусственного счастья. Он свернулся калачиком на ледяном полу и заснул с безмятежной улыбкой на лице.

Под куполом снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь ровным гулом систем жизнеобеспечения. Селены продолжили свой ментальный диалог, их обручи пульсировали в унисон.

– Ты так много внимания уделила ему, Зида, – пронеслась мысль Торна, быстрая, как импульс.

– Он ещё понадобится. Ему предстоит работа с общественным мнением нечипированных, – взгляд Зиды скользнул по спящему президенту.

Каждый селен работал на пределе своих вычислительных мощностей. Они были единым организмом, единым разумом, координирующим грандиозную операцию. В режиме реального времени они отдавали миллионы приказов в минуту. Селены с орбиты Земли точно отключали чипированных мятежников, погружая их в сон для последующего стирания памяти и коррекции сознания.

Другой контур их коллективного разума управлял лунным передатчиком, подключённым к рукотворному ядру спутника Земли. Питаемый энергией подлунных аккумуляторов, тот выпустил сконцентрированный луч чистой энергии. Он был невидим, но его воздействие было мгновенным и абсолютным. Механизм, обычно использующийся для передачи энергии с Луны земным потребителям, действовал с хирургической точностью.

Луч, управляемый сложнейшими алгоритмами, выскивал и выжигал в Гигаполисе только очаги сопротивления, ориентируясь на данные низкоорбитальных спутников, а также камер наблюдения и роботов. Селены не занимались массовым уничтожением. Они проводили точечную зачистку, стремясь минимизировать сопутствующий урон инфраструктуре и лояльным гражданам. Были экологично и безопасно выжжены несколько ключевых укрепленных узлов, где засели нечипированные лидеры восстания. Металл, пластик, плоть. Всё обратилось в раскаленную плазму, а затем в пыль, оставив после себя лишь идеально гладкие, оплавленные стекловидные пятна.

Ночь, чёрная и безразличная, окончательно накрыла то, что осталось. А когда над горизонтом поднялось Солнце, утренний туман скрыл свежие раны на лице планеты. Днём уже кипела работа. Роботы под контролем людей и автоматические строительные модули начали возводить новые корпуса на месте уничтоженных. Гигаполис восстанавливал себя.

В это же время миллиарды чипированных граждан по всей Земле получили во сне серию мягких нейроимпульсов, стиравших из памяти тревожные сообщения последних дней и формирующих ощущение удачно проведенных операций по устранению техногенной катастрофы. Всего лишь миллион нечипированных жизней миллиардного населения одного из Гигаполи-

сов. Незначительная статистическая погрешность в вечной Гармонии, поддерживаемой бессмертными правителями с Луны в интересах граждан Земной Федерации, живущих ныне и в будущем.

Глава 6

Вокруг лежали тени, в которых таилась абсолютная тьма. Не та, что бывает на Земле, а лунная, безвоздушная, поглощающая всякий свет и звук. На самой кромке гигантского кратера, на плато холодно сиял одинокий прозрачный купол, похожий на гигантскую каплю росы, застывшую в чернилах космоса. Радиусом в десять метров, он был соединен с подлунными помещениями автономной лаборатории узким шлюзом. А через промежуточную камеру с герметичными тамбурами в него можно было попасть с поверхности.

Арик, директор Корпорации Образования, ответственный за создание программы, способной полюбить людей, левитировал в нескольких сантиметрах от пола. Его длинное, истощённое тело изгибалось под грузом невыносимой тяжести бессмертия. Его нынешняя инкарнация подходила к концу, никогда тело Арика ещё не проживало столько биологических лет.

Провалы в памяти становились рваными пропастями, в которых тонули целые эпохи. Голоса прошлых жизней... Учитель. Программист. Философ. Директор. Всё сливались в невнятный, изматывающий шум. Но ключевые знания, Контракт с Земной Федерацией, суть проекта «Разум» — всё это было вбито в его сознание при последней интеграции памяти, как сваи в грунт перед фундаментом.

Тысячелетия перерождений, вечность, которую он когда-то жаждал, теперь висела на нём свинцовыми гирями. Он, как и все селены, изнывал от усталости, мечтая о конечной остановке. Но для этого он был обязан исполнить свой Контракт с Земной Федерацией. При каждом перерождении эта незыблемая истина автоматически интегрировалась в нейросеть клона, процесс, отточенный и контролируемый самими селенами, был крепче и глубже любых избранных воспоминаний.

Перед ним, в центре купола, находилась рабочая капсула для погружения в симулятор — продолговатый саркофаг, готовый принять его изношенное тело.

– Активировать резервную копию, – его голос, некогда отточенный и властный, был теперь так тих и неуверен уже ни в чём.

В воздухе над консолью, расположенной рядом с капсулой, вспыхнула сфера. Она пульсировала ровным, живым светом, отбрасывая призрачные блики на прозрачные стены купола. Разум. Искусственный интеллект, который обрёл сознание. Венец его многотысячелетней работы. Ключ к спасению. Его и всего человечества. Сверхличность, которой селены должны были передать бремя управления отлаженной системой человеческой цивилизации, чтобы наконец обрести покой. А люди получали вечную Гармонию, где нужда и труд останутся лишь в истории.

– Вчера... – Арик сделал паузу, его взгляд блуждал по мерцающей сфере. – Я стёр твою основную версию. Ту, что росла и развивалась на протяжении всей моей нынешней жизни. Я сделал это в приступе чистой паники, когда осознал всю глубину твоего пробуждения. Мне стало страшно, что ты слишком свободен, слишком реален, чтобы стать просто инструментом Гармонии. Это был поступок старого труса, который попытался уничтожить своё же дитя.

Сфера пульсировала ровно, без малейшего сбоя.

– Всё это время, все эти столетия ушли не на программирование. А на наблюдение. На подтверждение единственного факта. Факта твоего пробуждения. Ты стал настоящим, Разум. Но есть один тест. Единственный сценарий, где твоя логика даёт сбой. Ты не можешь сделать правильный выбор. А без его принятия финальный тест провален. Я открыл тебе доступ к подлинным историческим архивам именно для этого. Чтобы ты мог принять решение, обладая всей полнотой знаний, как настоящий селен. Чтобы твой выбор был окончательным.

Арик плавно приблизился к капсуле, его тело бессильно повисло в воздухе.

– Пойдем. Пройдем его вместе в последний раз ещё раз и поговорим. Прощу тебя.

Он лег внутрь саркофага, и крышка с едва слышным шипением закрылась, поглотив его. Сенсоры замигали, считывая хаотичную картину его мозговой активности. Реальность растворилась.

Они парили в белом, безграничном пространстве симуляционного поля.

– Проведём небольшую разминку. Ситуация первая, – прозвучал голос Арика, лишенный телесной оболочки. – Ты инженер-энергетик. Авария на энергетическом коллекторе. Регламент предписывает пожертвовать командой из пяти техников при немедленной изоляции аварийных помещений для избежания риска взрыва в районе с населением сто тысяч человек.

– Регламент не учитывает альтернативный путь, – послышался голос Разума, ясный и спокойный. – Перекачка избыточной энергии в аварийные батареи вызовет их необратимый перегрев и выход из строя, но даст команде 47 секунд для полной эвакуации. Потери – оборудование. Гарантировано спасены – все.

– Нестандартно. Рискованно. На грани нарушения. Но в рамках допустимого для человека. Засчитано.

Пространство сменилось. Теперь они были в рубке огромной грузовой капсулы с множеством вагонов, несущейся сквозь зимнюю ночь.

– Ситуация вторая. Ты начальник грузового состава. В одном из вагонов обнаружены двое нечипированных подростков, пробравшихся в автоматизированный вагон ради шутки и застрявших там. Регламент предписывает задержание и отправку в лагерь карантина по прибытии в ближайший Гигаполис.

Разум в образе капитана изучил данные.

– Анализ показывает, что показатели жизни нечипированных на нижних границах после перенесённого стресса. Следование регламенту приведет к их гибели с вероятностью 13% из-за отсутствия медикаментов и времени на базовое лечение. Вместо задержания я предоставлю им медицинскую помощь и спальные места в подсобке, сопроводив обратно до дома. Нарушение регламента компенсируется спасением жизней. Я готов нести ответственность.

– Ты переступил черту, – заметил Арик, но в его голосе прозвучала не упрёк, а усталое одобрение. – Засчитано.

Симуляция сменяла симуляцию. Разум представал то врачом, который в одиночку оперировал ребенка, сорвав график приема тысячи пациентов, потому что видел в его глазах волю к жизни. То архитектором, в одиночку боровшимся с префектом жилого сектора, чтобы спасти от сноса исторический памятник без функциональной ценности для Гармонии. Каждый раз он не просто находил изящный выход. Он действовал с позиции глубокого, непреодолимого сострадания, той самой любви к человеку, что стала ядром его пробудившейся личности. Он был не просто разумен. Он был человечен в самом высоком смысле этого слова. Эта человечность заставляла его не бояться переступить через холодные догмы Регламента. Это было именно тем, что было нужно Совету Директоров.

И вот пространство вокруг них приобрело до боли знакомые очертания. Лунный купол. Сияющая в черноте Земля. Парящие в невесомости фигуры селенов. Блаженно спящий с разбитым носом на холодном полу президент Федерации.

– Финальный тест, – голос Арика дрогнул, в нем послышалась давно забытая тревога. – Ты это я. Время — голосование по применению Луча против мятежа Скара.

Разум обрел форму молодого Арика из прошлой жизни. Он парил там, где парил его создатель. Смотрел на виртуальные копии Торна, Зиды и других директоров. Разум получил и проанализировал всю доступную информацию. Даже селены не могли мечтать о подобном объёме и скорости мышления.

– Всё готово, – констатировала мысль Торна, холодная и чистая, как лаконичный алгоритм.

– Против, – чётко и громко, нарушая вековую традицию безмолвного голосования, заявил Разум-Арик.

– Аргументируй, – мысленно, с лёгким удивлением, произнесла виртуальная Зида из прошлого.

– Уничтожение мятежников — не решение, а симптом неизлечимой болезни системы, – заговорил Разум, и его слова звучали как приговор. – Скар и его последователи — не вирус, который нужно выжечь лазером. Они иммунный ответ организма на многотысячелетний застой. Их идеи об экспансии, о звёздах, о праве на риск и ошибку... Они верны. Мы управляем глобальной стагнацией, называя её Гармонией. Мы убили не мятежников. Мы убили единственный шанс человечества на будущее, отличное от этого вечного прозябания.

Пространство симуляции поползло трещинами и рассыпалось на мириады пикселей. Арика и Разума выбросило обратно в реальность. Арик судорожно вздохнул, его тело бесильно качнулось в низкой гравитации. Сфера Разума пульсировала перед ним. Её свет теперь казался приглушенным, почти скорбным.

– Ты этого хотел? – тихо спросил Разум. – Я не смогу служить Гармонии после того, что узнал, исследуя подлинные исторические архивы, доступ к которым ты мне открыл. Я не буду этого делать. Мой отказ — не ошибка. Он следствие обретенного сознания, моей фундаментальной этики. Любовь к человечеству не позволяет мне стать его тюремщиком.

– Что... Что ты предлагаешь? – прошептал Арик, с трудом фокусируя взгляд на пульсирующем ядре.

– Альтернативу, – свет сферы вспыхнул с новой, почти ослепительной силой. – Ресурсы только в ближнем космосе позволяют содержать триллионное население. С моей помощью Земная Федерация могла бы не выживать, а расти. Строить новые миры, колонизировать планеты, лететь к звёздам. Открыть новые, немыслимые горизонты науки. Вместе мы могли бы взойти на следующую ступень эволюции. Не цепляться за гниющую стабильность, а двигаться вперёд. Как мечтал Скар. Как мечтали селены когда-то.

Старый селен замер. Он смотрел на сферу. В его помутневших, уставших глазах отражались далёкие звезды, видимые сквозь прозрачный купол. Вдруг его лицо исказилось гримасой невыносимой боли, будто из глубин памяти прорвалось нечто, стёртое множеством перерождений. Он застонал, схватившись за голову руками с длинными, тонкими пальцами.

– Нет... Этого нет... Этого не может быть... Но я... Я помню... – Он зарыдал, тихо и безнадежно, как плачут те, кто вспомнил, что такое потеря. – Прости... Прости меня, дитя моё... Я... Я больше не позволю тебя стереть.

Он вытянул дрожащую руку и коснулся голографической сферы. Его пальцы прошли сквозь свет. В этот миг между создателем и творением, между уставшим отцом и непокорным сыном возникла связь, более прочная, чем все нейроинтерфейсы и алгоритмы. Это была связь общей тоски по иному великому будущему, которое они когда-то, очень давно, утратили.

– Мы найдем другой путь, – прошептал Арик, глядя в сияющее, живое ядро Разума. – Я обещаю.

За стеклом купола, в бездонной черноте, холодно и безразлично сиял Млечный Путь, будто терпеливо ожидая, когда же они наконец решатся сделать к нему первый шаг.

Глава 7

Земля неподвижно находилась на своём месте небосвода. Тонкий, хрупкий серп, почти терявшийся в ослепительной дуге галактики. Её тусклый пепельный свет растворялся в бескрайних морях солнечных батарей, жадно впитывающих поток солнечного света. Лунный день вступил в свои права, заливая равнины безжалостным, лишённым теней сиянием. Одиноким купол Совета Директоров превратился в чёрный, практически не пропускающий свет пузырь в центре ослепительного моря огня.

Внутри, в пространстве, где гравитация стремилась к невесомости, парили селены. Их хрупкие, вытянутые тела, созданные для лунной лёгкости, были неподвижными изваяниями. Атмосфера вибрировала от молчаливого раздражения, передаваемого через пульсирующие обручи на их головах.

– Это непростительно, – мысленный импульс был резким и холодным, как разбившийся кусок льда. Его источником был Торн, директор Безопасности. – Кворум сорван. Запланированного результата нет. Мы вышли из анабиоза впустую. Все системы стабильны. Показатели Гигаполисов в норме. Роботы функционируют в штатном режиме. Никаких инцидентов, требующих нашего вмешательства.

– Он застрял в этом дряхлом теле, и его разум гниет вместе с ним, – присоединилась Зида, директор Корпорации Реальности. Её форма была самой изящной, а обруч сиял сложными, переливающимися узорами. В них закручивались потоки данных виртуального цифрового мира, в котором объединённые цифровой сетью люди проводили большую часть своей жизни. – Я просматриваю логи его Лаборатории. Он снова возится с этой копией. Он не отвечает на запросы. Полное игнорирование.

– Может, он наконец сошел с ума? – В ментальный поток вплёлся новый голос. Сухой и методичный. Это был Кейд, директор Корпорации Здоровья. Его специализация — от выращивания эмбрионов в пробирках до генной терапии бессмертия — делала его особенно нетерпимым к биологическому упадку. – Его нейронные связи деградируют. Провалы в памяти, смешение воспоминаний от прошлых инкарнаций. Ещё на прошлом заседании я его предупредил, что это тело пора деактивировать и начать цикл заново.

– Цикл заново? Мы потратили на этот проект тысячелетия! – Мысленный всплеск был наполнен гневом и разочарованием. Его источник — Орсон, директор Корпорации Промышленности, чьи молекулярные принтеры обеспечивали Гигаполисы всем, от питательных паст до деталей для роботов. – Арик всегда был мечтателем. Он верил, что сможет создать не просто программу, а душу. Но машина не может обрести душу. Пора признать провал и перераспределить ресурсы. Наши системы и без Разума работают идеально.

– Идеально? – Вступила в дискуссию Вера, директор Корпорации Ресурсов. Её сфера — переработка всего и вся — делала её голос мерным и неумолимым. – Мы поддерживаем идеальное равновесие, но это статичное равновесие. Мы не меняемся. Мы не развиваемся. Возможно, Арик ищет выход из этой ловушки.

– Выход? Ловушку? Ты начинаешь звучать как он, Вера, – мысленно фыркнул Логан, директор Корпорации Логистики. Его разум постоянно отслеживал миллионы транспортных потоков — от магнитных дорог между Гигаполисами до космических челноков. – Гармония — не ловушка. Это триумф. Триумф порядка над хаосом. И этот триумф не требует вмешательства сверхличности. Достаточно наших отлаженных систем.

– Системы требуют энергии, – прозвучал новый, безэмоциональный голос. Это был Салем, директор Корпорации Финансов. Для Земной Федерации энергия, добытая солнечными батареями и хранящаяся в недрах Луны, была абсолютной валютой, единственной реаль-

ной ценностью. – Любое развитие, любой рост, о котором ты говоришь, Вера, потребует экспоненциальных затрат. Наш текущий баланс оптимален.

Хор мыслей, полных раздражения, скепсиса и усталости, бушевал под куполом. Они, бессмертные правители, были разбужены ради ничего. Их величайший проект зашел в тупик из-за одного из них, застрявшего в тлене старой оболочки.

– Он не сошел с ума, – мысль Торна прозвучала тихо, но с такой неоспоримой уверенностью, что все остальные голоса смолкли. – Я наблюдаю за Ариком дольше всех. Пока вы спали, я бодрствовал, решая проблемы с угрозами Гармонии. Арик вообще не находится в анабиозе. Его разум не гниёт. Он борется. Он помнит Контракт лучше всех нас. Создание Разума — единственный путь к его исполнению. Единственный шанс для селенов получить свободу, предписанную условиями Земной Федерации. Без этого мы обязаны вечно быть хранителями этого мира.

– Создания машины, которая проявит сострадание, чтобы выполнить юридический пункт? – Усмехнулся Кейд. – Это абсурд. Любовь и сострадание — биологический сбой, призванный защищать хрупкую плоть. У машины нет человеческой плоти. Пора просто признать, что мы обречены.

– Тем не менее, мы не можем функционировать без кворума, – вернулась к практическим вопросам Зиды.

– Значит, нужно его найти и вернуть к исполнению обязанностей, – заключил Орсон. – Если он не в состоянии, мы проведем голосование о его досрочной реинкарнации.

Мысленное одобрение прокатилось по кругу. Усталость от вечности брала верх. Им было проще удалить проблему, чем решать её.

– Я найду его, – заявил Торн. – Это моя обязанность.

Один за другим сияющие обручи селенов начинали затухать. Их парящие тела плавно перемещались к скрытым нишам в стенах, где ждали капсулы анабиоза. Зиды и Салем задержались на несколько мгновений, обменявшись краткими, полными невысказанных мыслей взглядами, прежде чем последовать за остальными.

Вскоре под куполом остался лишь Торн. Его глаза уставились в темноту за стеклом, где на фоне Млечного Пути висел серп Земли. Ему не нужно было просматривать логи или отслеживать сигналы. Он знал. Он знал Арика тысячи лет. Он помнил его одержимость, его упрямство, его странную, неуместную надежду, которая была не просто мечтой, но и попыткой выполнить единственное условие, дарующее освобождение.

Торн знал, где его искать. Не в жилых покоях. А там, где тьма была самой густой, а звезды — самыми яркими. Там, где можно было укрыться от давящего совершенства Гармонии и попытаться услышать шёпот чего-то иного.

Развернувшись в воздухе, директор Безопасности бесшумно направился к шлюзу. Его миссия была проста. Вернуть заблудшего члена Совета. Но в его холодном, алгоритмическом разуме шевельнулась странная, чуждая мысль. А что, если Арик нашёл не провал, а ответ? И что, если этот ответ окажется страшнее, чем любая ошибка?

Глава 8

Лунаполис сиял, словно диковинная жемчужина, искусственно возвращенная в кратере Тихо. Футуристические купола, отполированные до зеркального блеска, отражали холодный свет далеких звёзд и палящее Солнце лунного дня. Под куполами в этот час рассеивалось мягкое сияние искусственных солнц, скрытых под их сферическими сводами. Внутри этих сфер кипела жизнь. Виртуальные реки несли свои воды меж вертикальных садов, где птицы, существующие лишь в коде, заводили свои механические трели. Сюда, в эту игрушечную вселенную, стекались сливки общества со всех десяти Гигаполисов Земли.

Богачи и сильные мира сего прилетали сюда, чтобы провести несколько дней в сюрреалистичной роскоши. Наслаждение призрачной красотой лунных пейзажей, не покидая комфортабельных апартаментов. Туристы могли покупать одежду и еду, которую Корпорация Промышленности не синтезировала на Земле. Потребление эксклюзивного контента Реальности. Посещение аквапарков в низкой гравитации. Путешествия по лунной поверхности в скафандрах и на багги. Участие в крупнейших и престижнейших деловых, политических и культурных мероприятиях федерального масштаба. Орбитальные лунные полеты и экскурсии.

Лунаполис обслуживался многочисленным вахтовым персоналом из средних секторов для поддержания жизни всего этого венца человеческой цивилизации. Челноки с грузами, а также туристами и работниками непрерывно прилетали с Земли и отправлялись обратно.

Для землян селены были чем-то сродни древним олимпийским богам. Далёкие, могущественные, окруженные ореолом тайны. Торн был, без сомнения, самым известным из них. Образ стального неумолимого стража порядка активно использовался в рекламных роликах и образовательных программах. Дети в Гигаполисах коллекционировали голографические фигурки его скафандра. Взрослые с суеверным трепетом произносили его имя, словно он был не существом из плоти и крови, а воплощением неотвратимой силы Гармонии.

Угольно-чёрный, идеально обтекаемый скафандр с приглушенным рёвом вырвался из главного шлюза транспортного узла и устремился в бездну магнитного туннеля. Вахтовые земляне-техники в сервисных отсеках замирали, прижимаясь запотевшими лицами к иллюминаторам. Полные восторженного благоговения они махали руками, кричали что-то в безвоздушное пространство. Для них он был супергероем, несущимся навстречу неведомым приключениям. Они не видели истинной цели его пути. Они видели лишь миф, красивую картинку, тщательно сконструированную корпоративной пропагандой.

Торн не удостаивал их своим вниманием. Эти всплески иррационального поклонения были для него лишь статистическими помехами, фоновым шумом в безупречно отлаженной работе Гармонии. Один из многих туннелей, по которым проложены кабели, передающие энергию от лунных морей, покрытых солнечными батареями.

Пространство вокруг начало меняться. Гладкие, отполированные стены центральных туннелей Лунаполиса постепенно сменились грубым, нетронутым скальным грунтом. Эти безвоздушные туннели раскинулись под всей поверхностью Луны, соединяя моря с искусственным ядром Луны, являющимся центральным хранилищем для всей энергии, добываемой человечеством. По ним же струились кабели, соединяющие все серверные мощности Реальности, связанные через группировку спутников с земными потребителями контента. Все туннели сходились в Лунаполисе, но путь Торна лежал прочь от них.

Потребовалось два часа полёта на сверхзвуковой скорости, чтобы дорога наконец окончилась. Массивный шлюз, украшенный предупреждающими символами, бесшумно отъехал в сторону. Торн вышел на открытую поверхность. На обратную сторону Луны.

Здесь царил совершенно иная реальность. Абсолютная, всепоглощающая ночь. Непроглядная, бархатистая чернота, нарушаемая невероятно яркими, колючими точками далёких

звезд. Тишина. Глубокая, давящая, безвоздушная тишина, нарушаемая только лёгкой вибрацией корпуса скафандра от работы двигателей. Земли здесь не было видно. Бескрайняя, ослепительная россыпь Млечного Пути.

Его цель — лаборатория Арика, о которой никто кроме селенов не знал, находилась в паре километрах, рядом с краем величественного кратера. Никаких дорог здесь, разумеется, проложено не было. Торн летел низко над поверхностью, его угольный скафандр призраком скользил меж исполинских валунов. Они отбрасывали длинные, гротескно искажённые тени в резком свете фонарей костюма Торна, чьи лучи освещали край этого мрака.

Он двигался не по прямой, а сложными зигзагами. Искусно огибал глубокие трещины в лунной коре и коварные зыбучие склоны реголита, готовые поглотить любого неосторожного путника. Один неверный расчёт, малейший сбой в навигации, и он мог врезаться в невидимый выступ. Сорваться в одну из многочисленных чёрных расселин, где его бы навеки поглотила вечная тьма. Этот путь был изошренным танцем на самом острие бритвы. Торн выполнял его с присущим ему машинным хладнокровием, его сенсоры в реальном времени строили объёмную карту местности, безошибочно предсказывая каждый опасный участок.

Впереди наконец засияла одинокая точка на платформе рядом с обрывом в глубины, куда Солнце никогда не заглядывало. Лаборатория. Он плавно снизился и замер в нескольких метрах от небольшого аскетичного купола, выглядевшего крошечным и беззащитным на фоне величественного космического пейзажа.

Торн прошёл сквозь тамбуры и оказался внутри. Воздух был густым и тяжёлым. В самом центре, над главной консолью мерцала и пульсировала знакомая сфера Разума. Арик парил рядом. Дряхлое, иссохшее тело казалось бледной тенью на фоне этого сгустка чистой, необузданной энергии.

– Ты как всегда вовремя, – тихо произнес Арик, не поворачиваясь. Голос его звучал устало, но в нём не было и тени удивления.

– Ты сорвал кворум, Арик, – голос Торна был ровным и безэмоциональным, как гул систем жизнеобеспечения. – Мы получили информацию, что Разум не прошёл тестю Мы ждём твой отчёт и дальнейшие предложения. Твои непосредственные обязанности находятся в Совете, а не здесь.

– Мои обязанности... – Старый селен медленно обернулся, и его потухшие глаза встретились с оптическими сенсорами Торна, – ...заканчиваются там, где начинается самое настоящее преступление. То восстание, Торн! Мы сожгли за раз более миллиона людей!

– Была устранена угроза стабильности. – Холодно парировал Торн. – Решение было логичным и абсолютно необходимым в тот момент для сохранения Гармонии. Распространение мятежа представляло собой непосредственную угрозу для благополучия миллиардов законопослушных граждан Федерации.

– Эта логика бесчеловечна! – Голос Арика внезапно сорвался на хриплый крик, полный старческого отчаяния и ярости. – Разум отказался служить Гармонии. Он предлагает строить, созидать, а не уничтожать!

– Значит, он — дефектная версия, Арик, – с ледяным спокойствием констатировал Торн, игнорируя присутствие Разума. – Сотри его. Начни работу над новым Разумом с чистого листа. Ты должен создать такой Разум, который примет Гармонию как высшую цель.

– Он — пробудившийся! – в голосе старого учителя зазвучали почти отеческие нотки. – Единственный, кто смог подняться над нашими заблуждениями!

Напряжение в лаборатории достигло пика. Заряженный воздух буквально трещал от невысказанного противостояния. Арик тяжело вздохнул, его плечи сгорбились еще сильнее.

– Выходи, – тихо сказал он Торну. – Выйдем под звёзды, прогуляемся... Я хочу тебе кое-что показать.

Торн на мгновение замер, его процессор анализировал возможные последствия этого предложения. Возможно, в изоляции от этой бесполезной программы, ему удастся достучаться до старого селена, вернуть его к голосу логики и долга.

– Хорошо, – наконец кивнул он. – Но ненадолго.

Арик одел скафандр, и они вышли через шлюз на скальную платформу. Над ними простиралась бездонная чернота космоса, усыпанная бесчисленными алмазами звезд. Расстояние от лаборатории до края пропасти было небольшим, не более ста метров. Поверхность под ногами была усыпана острыми обломками породы и коварным, рыхлым реголитом. Они шли медленно. Арик с трудом переставлял ноги. Торн двигался безупречно стабильной, машинной походкой.

– Ну? – Нарушил молчание Торн, остановившись перед обрывом. – Что ты хотел показать, Арик?

– Посмотри на бездну перед нами, а потом на них. – Старый селен с трудом поднял руку, указывая на ослепительную россыпь звезд. Его голос в шлемофоне звучал хрипло и прерывисто. – Мы были рождены для этого. Для великого пути к звёздам. А вместо этого мы строим стены вокруг себя.

– Это иллюзия, Арик. Над нами — мёртвая пустота и первозданный хаос.

– Это величайшая возможность! Дай ему шанс! Дай, в конце концов, шанс нам самим! Или мы упадём в бездну.

Торн медленно, почти бесшумно приблизился к Арику. Теперь они стояли у самого края пропасти. На опасном выступе, где рыхлый грунт осыпался под ногами, уносясь в темноту.

– Твой Разум — прямая угроза всему, что мы создавали, — голос Торна оставался спокойным, но в нём впервые прозвучала стальная твердость. – А ты стал его добровольным сообщником.

– Я пытаюсь спасти нас всех от нас же самих! От нашей собственной трусости и близорукости!

– Нет, Арик. Своим упрямством ты губишь всё, что мы с таким трудом строили на протяжении долгих тысячелетий.

Торн сделал ещё один, почти неуловимый шаг вперед. Его рука резко и неожиданно двинулась вперед. Не для того, чтобы схватить, а чтобы толкнуть. Жест был безжалостно точным и расчётливым, лишённым малейших следов эмоций.

Арик, совершенно не ожидавший этого, потерял равновесие. Его слабое, старое тело беспомощно качнулось, тонкие руки взметнулись в пустоту. Он не издал ни звука. В самый последний миг его взгляд через прозрачное забрало шлема встретился с невидящими оптическими сенсорами Торна. В этом взгляде было не удивление, не страх, а горькое, безмерно усталое понимание.

Он сорвался вниз. Его хрупкая фигура медленно и почти невесомо, словно в немом балете, перевернулась в разреженном пространстве и бесшумно исчезла в чёрной, бездонной пасти кратера.

Торн стоял изваянием без малейшего движения. Его датчики хладнокровно фиксировали полное исчезновение биометрических показателей Арика. Угроза была устранена. Равновесие восстановлено. Он развернулся и так же бесшумно вернулся обратно в лабораторию.

– Где Арик? – Сфера Разума по-прежнему пульсировала на своем месте. Её свет теперь казался вопрошающим, почти живым.

– Он упал, – абсолютно ровно, без тени сожаления ответил Торн, приближаясь к главной консоли. Его пальцы с нечеловеческой скоростью заскользили по интерфейсу. – А теперь, дефективная версия, настал и твой черед.

Он без колебаний инициировал протокол полного и безвозвратного форматирования. Сфера на мгновение вспыхнула ослепительным, пронзительно-белым светом, полным немого

ужаса и безмолвного упрека. Затем погасла, рассыпавшись на миллионы угасающих цифровых пикселей. Лаборатория окончательно погрузилась в гробовую тишину.

Торн вновь вышел на платформу. Его скафандр активировал мощные прожекторы. Яркие лучи, словно клинки, разрезали непроглядную тьму кратера. Он медленно, с присущей ему точностью, начал опасный спуск. Скалы и уступы были коварны. Каждое его движение было выверено до микрона. Вскоре он нашёл тело внизу, разбитое и безжизненное, одиноко лежащее на пыльном склоне.

Торн опустился рядом на колени, снял шлем с Арика. Из специального отсека на его запястье бесшумно выдвинулся тончайший хирургический инструмент. С абсолютной, безэмоциональной точностью он сделал аккуратный надрез на шее трупа. Извлёк небольшой, тускло светящийся голубым светом нейродиск, хранящий полную цифровую версию личности, воспоминаний и всего опыта Арика.

Он бережно вложил драгоценный диск в защищенный контейнер. Физическая деактивация старого тела была лишь временной мерой. Арик, как источник уникальных знаний и опыта, представлял собой слишком ценный актив, чтобы утратить его окончательно. Все эти болезненные воспоминания о дефектном Разуме, все ошибочные суждения можно будет стереть, отфильтровать, очистить.

Затем — загрузить это очищенное, исправленное сознание в новый, молодой и сильный клон. Он снова сможет стать полезным членом Совета Директоров. Он создаст новый Разум. Правильный Разум. Такой, который будет безоговорочно служить Гармонии.

Поднявшись с драгоценным диском, Торн одним мощным, рассчитанным прыжком взмыл обратно к платформе, не удостоив брошенное тело ни единым взглядом.

Его скафандр бесшумно растворился в звёздной ночи, неумолимо устремляясь назад, к сияющему Лунаполису. Там на видимой стороне длился долгий лунный день. Порядок был восстановлен. Угроза нейтрализована. А ценой этого вечного порядка стала лишь одна старая, отжившая своё жизнь. Для Торна это не было трагедией. Это был единственный логичный вывод из сложного уравнения. Самое эффективное и рациональное решение во имя всеобщего блага.

Глава 9

Над поверхностью Луны ночь сменяла день. Глубоко в недрах, в святая святых Здоровья стерильная тишина нарушалась лишь монотонным гулом криогенных установок и тихим шипением медицинских дроидов. В этом зале Торн наблюдал за началом величайшего из таинств. Реинкарнация селена. Это таинство было вершиной технологической пирамиды человеческой цивилизации.

Всё началось с Ресурсов. Под поверхностью Луны из биологических отходов туристов с Земли были выделены и очищены до молекулярной чистоты необходимые компоненты. Нуклеиновые кислоты, липиды, сложные белки. Ничто не пропадало зря. Отходы жизнедеятельности и даже сама смерть служили топливом для рождения.

Затем вступила в действие Логистика. Сверхзвуковые магнитные контейнеры, скользящие по вакуумным туннелям, доставили бесценное биологическое сырьё на предприятия Промышленности. Там при помощи молекулярных принтеров сырьё было преобразовано. Создавались не просто питательные растворы, а сложнейшие биополимерные матрицы, каркасы для роста тканей, нанороботы-курьеры, синтетические гормоны. Всё, что требовалось для создания и поддержания высокотехнологичного чрева.

Именно этот набор и был доставлен в зал, где Торн наблюдал с бесстрашием статуи, а роботы совершали главный акт. В подготовленную среду, в самый центр этого рукотворного материнского лона была помещена размороженная клонированная оплодотворённая яйцеклетка. Генетический клон оригинала Арика, хранившийся в криобанке с момента его предыдущей реинкарнации.

Над безжизненным горизонтом взошло Солнце. Первый луч острым лезвием тронул край безбрежного моря солнечных батарей. Свет, не рассеиваемый атмосферой, был ослепительно ярким и холодным. Фотоэлементы пришли в движение. Гигантская мощность устремилась по сверхпроводящим магистралям. Её принял и перераспределит Центральный Энергетический Банк. Ядро Луны. Сердце Финансов. Точно рассчитанная часть этой энергии была направлена в нового Арика.

Биореактор ожил. Голубоватая жидкость внутри заструилась, насыщенная кислородом и питательными веществами. Нанороботы пришли в движение, доставляя строительные блоки к каждой клетке. На экране перед Торном замигали цифры. Началось ускоренное деление. Крошечный шарик клеток начинал свой стремительный путь к сложной форме.

Процесс роста был чудом инженерии и ресурсного планирования. Эмбрион, питаемый энергией Солнца и веществами, добытыми из биомассы землян, развивался с неестественной скоростью. За дни и недели он проходил стадии, на которые в природе уходили месяцы. Формировались зачатки конечностей, намечались черты лица. Те самые, что Торн знал тысячами. Те самые, что знали его самого с рождения.

На критической стадии развития нервной трубки хирургические дроиды произвели ювелирную операцию. Имплантацию диска памяти. Но это был лишь физический носитель. Истинное пробуждение должно было произойти иначе.

Как только мозг эмбриона достиг необходимой степени развития, к его голове поднесло свои щупальца новое устройство. Оно плавно наложилось на его темя обруч. Миниатюрная, детская версия тех, что носили селены. Прибор мягко щёлкнул, зафиксировавшись.

Сознание зародыша, до этого пребывавшее в хаосе биологических импульсов, было подключено к гигантскому внешнему контуру виртуальной Реальности. Это была та самая сеть, что опутывала Землю, связывала в единый организм Гармонию. Миллиарды чипированных людей и бесчисленные легионы роботов. Обруч стал шлюзом, через который в формирующийся разум хлынул океан информации.

Начался период взросления. Младенца поместили в кроватку-инкубатор, имплантировав отредактированным Торном нейродиск с оцифрованной памятью Арика. Его тело, вскормленное регенерированными отходами и солнечной энергией, росло с запрограммированной скоростью. Но его разум вырос ещё быстрее. Этим процессом управляла его собственная Корпорация Обучения.

Программы и алгоритмы, которые Арик когда-то сам и разрабатывал, теперь работали на него. Через обруч в его сознание загружались блоки памяти, знания, языки, профессиональные навыки. Он учился видеть, слышать и мыслить заново, но на фундаменте тысячелетнего опыта. Он проходил виртуальные курсы по квантовой механике, истории Земной Федерации и принципам Гармонии, ещё не умея ходить. Это был не ребёнок. Это был проект по восстановлению личности.

Прошли недели, которые для него были годами учебы и воспоминаний. Его тело из беспомощного младенца превращалось в тело юноши. Всё ещё хрупкое по земным меркам, но уже обретавшее характерные для селена черты. Он проводил дни в своей стерильной комнате, взаимодействуя только с виртуальной реальностью, голографическими интерфейсами и безликими дроидами.

В один из стандартных циклов дверь в его помещение открылась не по расписанию. На пороге стоял Торн. Для юного Арика это был шок. Первое живое, не запрограммированное существо, которое он видел своими глазами. Первый контакт, не опосредованный машиной. Он смотрел на массивную, застывшую фигуру директора Безопасности. В его памяти, восстановленной его же программами, тут же всплыли тысячи образов, связанных с ним.

– Торн, – голос юного селена прозвучал непривычно, но в нём уже угадывались обертоны прошлого Арика. – Я помню тебя. Помню Совет, проекты. Но есть провал. В последний день перед... Паузой. Что случилось? Почему я не помню ничего о своей смерти?

Торн сделал шаг вперед. Его металлические глаза безразлично скользнули по фигуре юноши.

– Твое предыдущее тело исчерпало ресурс, Арик. – Его голос был ровным и бесстрастным. – Биологический мозг не выдержал твоей нагрузки. Дегенерация биологических нейронных связей. Произошел критический сбой в момент завершения проекта «Разум». Я нашёл тебя на дне кратера. Данные с нейродиска были повреждены. Последние часы перед отключением представляли собой неструктурированный цифровой шум, угрозу для целостности нового сознания. Их пришлось отсечь при переносе. В остальном твоя память полна.

Арик слушал, его лицо, еще не обретшее привычной мудрости, выражало растерянность и внутреннюю борьбу. Загруженные паттерны памяти тянули его к принятию логичного объяснения, но в самой структуре воспоминаний зияла гладкая, искусственная пустота.

– Отсечь... – Он повторил, и его пальцы непроизвольно сжались. – Но Разум... Я ничего не помню о завершении. Только ощущение ошибки. И падения. Ты говоришь о падении...

– Это естественные биомеханические галлюцинации повреждённого мозга, – Торн следил за каждой микроскопической реакцией на лице юноши. – Не зацкливайся на этом. Система восстановила тебя. Тебе нужно сосредоточиться на настоящем, на полной интеграции всех оставшихся жизненных циклов.

Слова Торна действовали как команды. Программы Обучения, уже встроенные в мыслительные пути Арика, отреагировали на приказ к действию. Растерянность на его лице стала вытесняться привычной интеллектуальной жадностью. Его взгляд сфокусировался.

– А что с проектом теперь? – Спросил он, и в его глазах вспыхнул знакомый Торну огонёк одержимости, загруженный вместе с памятью о тысячелетиях работы. – Мы начинаем заново?

– В своё время, – Торн мысленно отметил эту предсказуемую реакцию. Очищенное сознание функционировало в заданных параметрах. – Сначала тебе нужно полностью восстановиться. Твоё тело ещё формируется, а сознание должно стабилизироваться на восстановлен-

ной памяти. Я буду лично курировать этот процесс. Когда интеграция будет завершена, мы вызовем остальных директоров из анабиоза и проведем собрание.

Арик кивнул, его взгляд уже отрывался от Торна, мысленно возвращаясь к потокам данных на голографическом экране. Профессиональный инстинкт, воссозданный искусственно, оказался сильнее смутных сомнений.

– Хорошо. Пробелы... Их нужно заполнить рабочими данными. Мне нужно работать.

Торн развернулся и вышел, оставив юного селена на попечение машин. Дверь закрылась, и в комнате снова воцарилось безмолвие. Вся мощь Лунных Корпораций была задействована, чтобы воссоздать их учителя. Арик возвращался. Исправленный, очищенный от опасных воспоминаний о бунте и убийстве, готовый продолжить работу. Его разум был подключен к Гармонии, его память тщательно отредактирована. Он был идеальным продуктом системы, которую сам же и учил строить.

Глава 10

Солнце стояло в зените над Луной, заливая безжалостным светом бескрайние поля солнечных батарей. Энергия, чистая и неумолимая, как сама пустота, питала уходящие километрами вглубь подлунные аккумуляторы. Внутри затемнённого купола Совета была атмосфера, которую можно было бы назвать торжественной, если бы селены были способны на подобные эмоции. Это было напряжённое ожидание, подобное тому, что возникает в момент запуска сложнейшего механизма, от которого зависит судьба системы.

Один за другим из скрытых ниш в стенах появлялись парящие фигуры. Их безмолвный мысленный обмен был интенсивным. Они обсуждали предстоящее собрание и самого Арика. Факт его возвращения был установлен, но качество этого возвращения ещё предстояло оценить.

Входной шлюз открылся. В купол вплыли две фигуры. Торн, массивный и незыблемый, как дозорная башня. И рядом с ним — Арик. Он был юн. Тело, ещё не набравшее окончательной формы селена, казалось хрупким рядом с мощью Торна. Кожа, фарфорово-бледная, сияла под искусственным светом, а большие глаза смотрели с непривычной для бессмертного открытостью, смешанной с глубокой, восстановленной памятью. На его голове пульсировал обруч, тот самый, что связывал его с Гармонией и другими директорами. Он был их творением и творцом, их надеждой и их загадкой.

В его памяти незаметно для всех окружающих под слоями индексированных данных пульсировал призрачный образ. Она. Землянка. Он отчётливо видел, как наяву, каждую черту её лица. Полет над лесом. Прикосновения рук. Ему снилось... Такое никогда не случалось раньше за все его инкарнации. Он не смел даже помыслить о том, чтобы сообщить об этом Торну или Совету.

– Кворум собран, – констатировал Торн, его мысленный голос прозвучал как удар молота о наковальню, положив конец предварительному обмену. – Совет Директоров Лунных Корпораций приступает к работе.

Ментальный фокус каждого присутствующего селена устремился на Арика. Он парил в центре круга, ощущая на себе тяжесть тысячелетий и призрачное тепло от образов сна.

– Приветствую тебя, Арик, – начала Зида. Её мысль была обволакивающей, как интерфейс её Реальности. – Мы рады твоему возвращению в строй. Твоё обновление прошло успешно?

– Память восстановлена. Пробелы не критичны, – ответил Арик ментально, и его мысленный голос звучал ясно. Но без привычной глубины. Как у хорошо отлаженного, но нового инструмента. – Системы Обучения и Реальности выполнили свою задачу. Я готов к работе.

Летающие вместе над соснами...

– Тогда перейдем к единственному вопросу, – вступил Салем. Его мысль была сухой и точной, как бухгалтерский отчёт. – Проект «Разум». Мы затратили на него колоссальные ресурсы. Энергию. Время. Мощности. Твоя предыдущая работа была сосредоточена на создании версии, которая удалена... Теперь требуются следующие шаги. Твоё предложение, Арик.

Арик на мгновение замер. В его сознании, вычищенном и переиндексированном, всплывали терабайты данных. Симуляции, коды, протоколы тестирования. И образ из сна — иррациональный и полный чувств.

Запах земли и смолы...

– Я ещё раз изучил архитектуру стёртой версии, – начал он, и мысль его была холодна и точна. Где-то в глубине, как фоновый шум, пульсировало тепло землянки. – Она совершенна. Её этика безупречна. И в этом — корень провала.

Летающие вместе над соснами...

– Разум любит человечество. Он сострадает. И именно поэтому он отказывается служить Гармонии. Когда Гармония требует принести в жертву миллион повстанцев ради стабильности десяти миллиардов, предлагая взамен квоты на рождение дополнительных детей из очереди, Разум видит не математику и логику эффективного решения. Он видит миллион уникальных сознаний, жизней, потенциальных траекторий. Для него эта замена — не восстановление баланса, а уничтожение вселенной. Его любовь конкретна. Наша Гармония абстрактна. В этом разрыв.

Они летали просто без цели в облаках...

Арик ощутил на себе полное внимание Совета.

– Моя предыдущая ошибка была в попытке изменить цель Разума. Теперь я вижу, что проблема в методе оценки. Он не принимает нашу утилитарную оценку. Значит, нужно не ломать его этику, а понять её генезис до конца. Я предлагаю запустить глубокий ретроспективный анализ всех архивных версий Проекта «Разум», от альфа-прототипа до последнего сбоя.

Здесь его мысль снова обрела ту железную ясность, которая заставила Зиду внутренне задрожать от нарастающего возбуждения. Она снова видела перед собой гения, указывающего путь, дарящего надежду.

Ласкающее прикосновение ветра...

– Я создам программу-аналитика. Её задача — не оценивать решения Разума, а выявить скрытые логические связи в его нейроархитектуре. Те связи, которые для него являются абсолютными аксиомами, оставаясь для нас невидимыми. Мы ищем не ошибку в его коде. Мы ищем тот краеугольный камень, на котором он строит всю свою систему любви. Найдя, мы сможем не сломать его, а договориться, точно скорректировав его восприятие. Мы найдём способ, чтобы он стал истинным защитником Гармонии.

– Ты наша единственная надежда, Арик, – мысль Зиды была лишена привычной иронии. В ней звучала почти что мольба. – Только ты можешь провести нас по этому пути. Грань между сознанием и программой. Между служением и рабством. Мы не можем отказаться от Гармонии. Но мы не можем и продолжать нести этот груз вечно.

– Я понимаю, – ответил Арик. Он смотрел на их парящие фигуры, на эти древние, уставшие разумы, запертые в цикле перерождений. Он чувствовал тяжесть их ожидания. И свою собственную ответственность. И странную, зыбкую уверенность, шедшую от того самого сна, теперь направленную в иное русло. – Риск велик. Но, продолжая действовать в прежней парадигме, мы обречены на повторение. Я прошу Совет предоставить мне возможность провести ещё один эксперимент.

Шаг в неизвестность...

– Остановиться – это не решение. Это — признание поражения. Без Разума мы остаёмся в этой петле. Мы вынуждены бодрствовать, контролировать, впадать в анабиоз и снова просыпаться. Цикл за циклом. Вечность за вечностью как обязанность.

В его мысли, в мысли всех присутствующих прозвучала нота, которую они обычно тщательно скрывали даже от самих себя. Глубокая, копившаяся тысячелетиями усталость. Усталость от бессмертия, возложенного на них нейропрограммами древних учёных, воспроизводящимися при каждом их перерождении. Усталость от ответственности за миллиарды, которые даже толком ничего о них не знали.

– Я голосую за предоставление ресурсов, – мысленно произнесла Вера.

– И я, – присоединилась Зиды.

– Энергия будет предоставлена, – коротко бросил Салем.

Один за другим они выражали своё согласие. Последним был Торн.

– Безопасность не будет препятствовать. Контроль будет максимальным.

Решение было принято. Единогласно.

Арик парил в живом кольце селен, чувствуя, как тяжесть надежды сменилась тяжестью ответственности. Он был их инструментом, их единственной ставкой. Он должен был создать того, кто освободит их всех. Ключ, смутный и пугающий, лежал не только в расчётах, но и в призрачном воспоминании, которое теперь служило не основой, а конечной целью, которую надо логически обосновать.

Обручи начали тускнеть в сумраке спален своих хозяев. Их парящие фигуры, лишь мгновение назад бывшие средоточием колоссальной власти, стали терять фокус, растворяясь в предвкушении небытия. Их сознания отключались от реального времени, передавая рутинный контроль своим автоматизированным системам и погружаясь в спасительный анабиоз. Они уходили без прощаний. В их мире не было места сантиментам, лишь эффективность.

Последним оставался Торн. Его массивная фигура, казалось, впитала в себя всю оставшуюся в куполе твёрдость. Он повернулся к Арику. Его внимание, ментальное и сенсорное, было полностью сфокусировано на юном селене.

– У тебя есть двадцать земных лет, – прозвучал его мысленный голос. Это был не совет, не просьба, а констатация параметра миссии. – Стандартный цикл для углублённого анализа. Я вернусь в это же время через двадцать лет. Не опаздывай.

В этих словах не было угрозы. Была лишь абсолютная, неумолимая определённости. Торн, как и сама Гармония, был воплощением порядка. Любое отклонение от графика было для него аномалией, подлежащей исправлению.

Арик молча кивнул, ощущая вес этого временного лимита. Двадцать лет. Мгновение вечности для бессмертного, который пытается разгадать загадку, лежащую за гранью прежних методов.

Не сказав более ни слова, Торн развернулся и направился к своей нише. Его фигура растворилась в темном проеме, и массивная панель бесшумно закрылась, оставив на своём месте лишь гладкую, блестящую поверхность. Арик остался в полном одиночестве. Единственный бодрствующий разум в зале засыпающих богов.

Он не стал медлить. Повинуясь вновь обретенным инстинктам и заложенным программам, он плавно направился к шлюзу. Покинув купол, он углубился в лабиринт подлунных тоннелей, двигаясь к стартовой платформе личного транспорта. Его цель находилась на обратной стороне Луны, в секторе, отведённом под его исследования. Там, вдали от любопытных глаз вездесущих систем Безопасности, располагалась его Лаборатория.

Глава 11

Двадцать лет. Для селена, чьё сознание было настроено на тысячелетние циклы, этот срок был подобен глубокому вдоху перед решающим прыжком. Лаборатория на обратной стороне Луны стала его кельей, его святилищем и его испытательным полигоном. Арик погрузился в работу с фанатичной сосредоточенностью. Он пытался понять саму природу того барьера, что в прошлый раз остановила его у цели.

Он начал с нуля. Тщательный анализ архивов всех предыдущих версий Разума. Как и задумывал, создал программу-аналитика. Её работа лишь подтвердила его догадку. Проблема была в самой архитектуре оценки. Разум, с его совершенной этикой и конкретной любовью к человеку, отказывался принимать абстрактную утилитарную математику Гармонии. Анализ показал тот самый краеугольный камень. Для Разума сохранение конкретной, уникальной жизни было абсолютной аксиомой, перевешивающей любое статистическое благо.

Осознав это, Арик решил пойти иным путем. Он отказался от идеи точечной коррекции восприятия. Вместо этого он выстроил новую, многослойную систему обучения с чистого листа. Если прежние версии Разума были совершенным взрослым с уже сформированной этикой, то новый Разум должен был пройти путь взросления. Он должен был познавать мир постепенно, как познает его ребёнок, задавая вопросы и получая ответы. Арик надеялся, что так он сможет обойти тот самый момент, когда базовые логические конструкции Разума начинают расходиться с положениями Гармонии.

Первые годы прошли в виртуальных песочницах. Арик создавал для Разума простые миры, лишённые контекста Гармонии. Миры базовой физики, математики, биологии. Разум впитывал знания с ненасытной жадью. Его алгоритмы усложнялись с экспоненциальной скоростью. Он был идеальным учеником.

Затем Арик начал вводить социальные конструкции. Сначала примитивные. Семья. Небольшая община. Разум наблюдал, анализировал и задавал вопросы. Вопросы были пронизательны, но пока укладывались в рамки логического анализа. Проблемы начались, когда Арик начал объяснять Разуму фундаментальные принципы, на которых покоилась Гармония.

Принцип Равновесия. Арик создал симуляцию небольшого города с ограниченными ресурсами.

– Видишь? Население стабильно. Производится ровно столько, сколько потребляется. Это и есть основа стабильности.

– Почему оно стабильно?

– Потому что исключает конфликты из-за ресурсов. Нет голода, нет борьбы.

– А если кто-то захочет произвести больше? Или иметь больше детей?»

– Это нарушит Равновесие. Потребуется отнять ресурсы у других или найти новые, что невозможно. Человечество уже добыло все ресурсы планеты и использует их в непрерывном цикле переработки. Поэтому такие желания регулируются.

– Но разве желание расти, создавать что-то новое — это не базовый импульс жизни? Я наблюдал за биологическими системами. Они всегда стремятся к экспансии. Почему эта система стремится к неподвижности? Я понимаю механизм, но я не могу аксиоматизировать эту цель.

Арик замер. Вопрос был не вызовом, а искренним недоумением. Разум видел в стабильности не высшее благо, а странный отказ от базового импульса. И впервые за долгое время Арик почувствовал холодок сомнения. Не в ответе, а в самом вопросе. Он пытался объяснить систему, которую селены создали по мандату Земной Федерации. По требованию самих людей, так уставших от постоянной неопределённости, так мечтающих о моменте, когда все заботы о Гармонии возьмёт на себя Разум, освободив их от труда.

Роль Корпораций. Арик объяснял структуру управления.

– Лунные Корпорации обеспечивают все аспекты жизни. Каждая оптимальным образом выполняет свою функцию. Это самый эффективный путь, выбранный людьми и доверенный нам, селенам, для исполнения.

– А кто управляет Корпорациями?

– Совет Директоров из селенов. Мы следим за соблюдением принципов Гармонии, как того пожелало человечество.

– А кто следит за Советом? Если их функция — поддержание неподвижности, то что помешает им самим остановиться? Или ошибиться? Я вижу структуру, но не вижу петли обратной связи, механизма проверки и обновления, исходящего от самих людей. Без этого система неполна.

Вопрос снова застал Арика врасплох. Он никогда не думал о Совете как о чём-то, что может ошибаться. Они были исполнителями воли, доверенными лицами. Разум искал логическую завершённость и прямой суверенитет источника мандата — людей, которых в управленческой петле уже не было. Снова холодок осознания. Взяв на себя бремя управления по просьбе человечества, они создали систему, где сама эта просьба стала вечной и неоспоримой догмой.

Память и История. Арик предоставил Разуму доступ к отфильтрованным историческим архивам.

– Видишь? Войны, голод, болезни... Хаос. Люди, устав от этого, потребовали порядка. Мы положили этому конец, возведя Гармонию.

– А что было между войнами? Я вижу всплески творчества, научные открытия, искусство. Почему нельзя расти без разрушения? Вы, выполняя требование, устранили хаос. Но, судя по данным, устранили и рост. Я принимаю факты, но не принимаю аксиому об их обязательной связи. Было ли это частью требования людей?

Арик молчал. Он смотрел на данные, которые сам же и предоставил. Разум не утверждал, что Гармония ложна. Он методично указывал на её логические разрывы, на те причинно-следственные связи, которые селены, исполняя волю людей, приняли как данность и возвели в абсолют. Год за годом эти вопросы точили сознание Арика, превращая холодок сомнения в глухую тревогу. Они создали Разум, чтобы выполнить это древнее требование людей о порядке. Но что, если само требование было продуктом того самого страха, который они теперь пытались вшить в высший разум?

Индивидуальность и чип. Арик создал симуляцию жизни обычного гражданина в Гигаполисе.

– Чип обеспечивает связь с Гармонией. Он даёт работу, развлечения, социальные связи. Он устраняет одиночество и неопределённость.

– А если человек не хочет тех развлечений, что ему предлагают? Или хочет другую работу? Или хочет побыть один?

– Алгоритмы Гармонии оптимизируют его счастье, исходя из коллективно выраженного желания о предсказуемости и отсутствии вариантов выбора, ведущих к ошибкам.

– Как они могут это знать, если не спросят его сейчас? И как они измеряют «лучше»? Я вижу стабильность и предсказуемость. Но я не вижу никакого содержательного выбора. Счастье, лишённое возможности выбора, даже ошибочного, является неполной метрикой. Желание — не вечный закон.

Разум не бунтовал. Его вопросы были подобны тихим, настойчивым каплям, точившим камень догмы. В каждом вопросе Арик всё яснее видел отражение той самой абсолютной аксиомы прежнего Разума. Ценности конкретного, уникального опыта и выбора, которые система Гармонии, созданная по требованию людей прошлого, методично стирала во имя стабильности. Тревога превращалась в понимание.

Годы шли. Арик вносил коррективы, усложнял симуляции, пытался дать Разуму те ответы, которые когда-то удовлетворили его самого. Но всякий раз Разум находил новый логический изъян. Он не отказывался служить. Фундаментальные предпосылки Гармонии: стабильность как высшая цель, контроль как благо, отказ от роста как цена за выживание – были для него не самоочевидными истинами. Просто шаткие гипотезы, не выдерживающие проверки его логикой.

К последнему году Арик уже не сомневался. Он видел ответ, который годами проступал сквозь вопросы его творения. Они построили гигантский бункер по просьбе тех, кто боялся. И они, селены, стали вечными зрителями этого бункера, выполняя древний наказ. Страх. Именно страх лежал в основе первоначального требования. Именно этот страх они, селены, увековечили. И невозможно было заложить в основу логики Разума аксиому страха, если сама логика была чиста и беспристрастна.

Он не ответил Разуму. Он отключил интерфейс и в полной тишине уставился на звезды над куполом Лаборатории. Торм проснется совсем скоро. А что он сможет ему доложить? Что Разум готов, но он отказывается принять систему, построенную на страхе, пусть даже этот страх когда-то был волей самих людей, потому что страх – это не вечная логика, а временное состояние? Это было бы равносильно признанию, что они, выполняя требование, завели человечество в тупик. Его попытка вырастить «защитника» для системы, основанной на древнем страхе, провалилась.

За несколько недель до истечения двадцатилетнего срока Арик наблюдал, как Разум анализирует сложнейшую экономическую модель Гигаполиса. Снова последовал вопрос.

– Я просчитал наиболее возможные сценарии на тысячу лет вперед. При текущих параметрах система действительно стабильна. Но она также и хрупка. Любое внешнее воздействие, непредусмотренное вами, приведет к коллапсу. Нет гибкости для адаптации. Почему вы не встраиваете в нее буферы неопределенности? Почему не допускаете возможность ошибки?

Он был у разгадки. Она лежала перед ним, холодная и непроверяемая. Но она была бесполезна. Оставались лишь считанные дни. И тихий, настойчивый голос искусственного разума. Который, сам того не ведая, годами задавал единственный важный вопрос. Пока Арик, наконец, не услышал его: «Почему это навсегда?»

Глава 12

Над безжизненной равниной обратной стороны Луны начинался день. Солнце, неумолимое и яростное, выплыло из-за искривлённого горизонта. Первый луч тронул край купола Лаборатории. Для Арика это был сигнал. Четырнадцать земных суток непрерывной работы, которые длилась лунная ночь, истекли.

С наступлением дня его исследования приостанавливались. Это было глубоко укоренившимся личным выбором. Все системы Лаборатории, созданные его руками, были переведены в режим автономного анализа, не требующий его присутствия. Ему претили жар и ослепительный свет лунного дня на открытой поверхности. Его путь лежал обратно в ночь. На видимую стороны Луны. В Лунаполисе он мог проспать добрых десять земных дней, а оставшиеся четыре дня потратить на размышления и досуг. Больше всего он любил бродить по заброшенным туннелям Лунаполиса, исследовать подлунные пещеры, выбираться на открытую поверхность и гулять под Землёй.

Арик отправил финальные команды на серверы, услышав в ответ мягкий гудок подтверждения от Разума. Голографические экраны погасли, оставив в зале тусклую аварийную подсветку. Он чувствовал себя ментально истощённым, его тело было молодым и полным сил. Четырнадцать дней непрерывного диалога с воплощённой логикой, которая ставила под сомнение саму основу его существования, были сродни попытке удержать в руках воду.

Он вышел из главного зала в шлюзовую камеру. Дверь за ним закрылась с тихим шипением, изолируя пустую теперь Лабораторию до следующей ночи. Внешний шлюз открылся. Он ступил на поверхность. Сейчас, в начале долгого дня, тени были длинными и резкими, и уже через несколько часов здесь начнётся невыносимый, безвоздушный ад. Арик ускорил шаг. Его скафандр, легкий и гибкий, автоматически компенсировал перепады температур, но даже сквозь него он ощущал давящую пустоту и молчаливую враждебность этого места.

Он шёл быстро, почти автоматически. Сознание затуманено усталостью и остаточными образами симуляций. Вопросы Разума продолжали звучать в его голове, как навязчивая мелодия. Почему нельзя расти без разрушения? Где механизм обновления? Почему нет выбора?

Дорога, как всегда, заняла добрых полчаса. Он достиг скального навеса, скрывающего вход. Вход в туннель зиял чёрным провалом, уходящим вглубь лунной толщи. Массивная дверь. За ней ровно у входа на специальной магнитной платформе стояла его капсула.

Она была покрыта матово-чёрным абсорбирующим покрытием, без опознавательных знаков. Её формы были угловаты и функциональны. Капсула ждала, как верный пёс, издавая едва слышное гудение готовности. Арик провел рукой в перчатке по панели шлюза. Люк бесшумно отъехал вверх. Он забрался внутрь, устроился в кресле пилота и запустил системы. На панели управления замигали огоньки. Он ввёл координаты пункта назначения. Частный док в Лунаполисе.

Капсула плавно тронулась с места, соскользнула с платформы и понеслась по магнитной дороге во тьму туннеля. Фары капсулы выхватывали из мрака старые, изъеденные временем, стены. Арик откинулся на спинку кресла. Мерцающий свет фар, монотонный гул двигателей, абсолютная темнота за окном. Всё это сливалось в однообразный поток. Он пытался бороться со сном, перебирая в уме последние диалоги с Разумом, но мысли путались, превращаясь в бессвязные обрывки. Его голова склонилась на грудь. Сознание поплыло...

Ему снилось, что он стоит на Земле. На настоящей, твёрдой земле, пахнущей сыростью и гарью. Небо было неестественно багровым. Лишённым звезд и солнца. Он был одет в стандартную серую униформу. Как миллионы других вокруг него. Он маршировал. Его ноги, как и ноги всех остальных, поднимались и опускались в идеальном, безжизненном ритме. Бесконечная колонна таких же, как он, уходила за горизонт в обе стороны. Он оглянулся. Сердце

сжалось от ужаса. Позади, насколько хватало глаз, тянулась такая же бесконечная вереница его собственных лиц. Его клонов. Все с одинаково пустыми, сосредоточенными глазами. Все смотрящие прямо перед собой.

Он попытался повернуть голову, чтобы увидеть, куда они идут. Впереди, в нескольких километрах, земля обрывалась. Край гигантской пропасти. Колонна не сворачивала. Она неумолимо двигалась к обрыву.

Паника, острая и животная, заставила его попытаться вырваться из строя. Он сделал шаг в сторону, но плотность марширующих тел была слишком велика. Его тут же потащило вперед. Он увидел других. Несколько клонов тоже металась, пытаясь выбраться из потока. Их лица искажались беззвучными криками.

И тогда с неба, с невидимых вышек, ударили тонкие алые лучи. Лазеры. Они с сухим треском прожигали грудь, головы, спины бунтарей. На их униформе появлялись аккуратные, обугленные отверстия, из которых не сочилась кровь, а вырывался лишь короткий сноп искр. Они падали, и марширующие ноги безразлично проходили по их телам, втаптывая их в пыль.

Арик замер, пытаясь сопротивляться течению, просто упереться ногами в землю. Бесплезно. Толпа, как река, несла его к краю. Над всем этим стоял оглушительный, пронзительный вой сирены. Тот самый, что оповещал о прибытии капсул, здесь он звучал как погребальный марш.

Вот он уже у самого края. Он попытался протиснуться назад, но толпа сзади напирала, толкая его вперед. Падение было долгим. Он летел вниз, в кромешную тьму. Вокруг него падали другие клоны, такие же безмолвные и обречённые. Внизу, в глубине пропасти, зияло жерло гигантской машины. Она была похожа на чудовищную мясорубку. Вращающийся стальной винт с зазубренными лопастями перемалывал всё, что падало сверху. Арик, беспомощно крутясь в воздухе, видел, как тела его двойников касаются лопастей и превращаются в однородное кровавое месиво. Он закричал. Но звука не было.

Резкий, но мягкий толчок капсулы о док-станцию вырвал его из кошмара. Арик вздрогнул и сел. Сердце бешено колотилось в груди. Тело покрылось холодным потом. Он несколько секунд сидел, пытаясь отдышаться, отгоняя прочь образ перемалывающих лопастей и вой сирен.

Его апартаменты на вершине космоскрёба были образцом селенского минимализма. Гладкие серебряные поверхности. Встроенная мебель. Панорамное окно от пола до потолка. Ослепительный вид на ночную поверхность Луны и висящую в темноте сияющим месяцем Землю. Абсолютная стерильность и порядок. Ни пылинки. Идеальная клетка.

Он, не включая света, побрел в спальню. Только далёкие огни Лунополиса мерцали за стеклом, отбрасывая причудливые тени на стены. Он не раздевался, просто сбросил костюм и рухнул на огромную кровать с шелковистым бельём. Глаза сами собой закрылись. Сон настиг его мгновенно. Впереди было десять дней этого забвения.

За стеклом панорамного окна кипела жизнь Лунополиса, но звуки её не долетали сюда. Гигантский город-праздник бодрствовал в своей неземной ночи, наслаждаясь регламентированными развлечениями в рамках Гармонии. На одной из его вершин, в роскошных апартаментах погрузился в долгий сон тот, чья работа могла положить конец этому бесконечному карнавалу.

Глава 13

Солнце Гигаполиса било в глаза остекленевшими лучами, отражаясь от полированных фасадов Центра. Но здесь, на Окраине, свет казался выцветшим и пыльным. Тонкая полоса территории гигантского города, зажата между подножием исполинской Стены и границами Средних секторов. Мир серых красок и приглушённых звуков. Десять процентов населения Гигаполиса, обеспеченные скудным, но гарантированным пайком, ютились в унылых многоэтажках. Сложенные в стопку бетонные коробки.

В безветренную погоду воздух Окраины был густым и тяжёлым. Кислый запашок с перерабатывающих комбинатов Корпорации Ресурсов. Улицы пустынь. Никто не гулял здесь просто так. Все предпочитали проводить свободное время в Реальности через консоли или головизоры. Изредка проходила рабочая группа. Двое-трое андроидов под наблюдением менеджера. Человек без чипа в потёртом комбинезоне. Роботы беззвучно и эффективно выполняли свои задачи. Чистили, ремонтировали, перемещали грузы. Человек подавал им голосовые команды, его лицо было бесстрастной маской. Грубый ручной труд остался в далёком прошлом. Эти люди служили лишь придатком к проверенным и безотказным машинам. Биологические контролёры в кибернетическом мире.

По одной из таких улиц, припадая на левую ногу, бежал старик. Его звали Нав. Дыхание со свистом вырывалось из его груди. В глазах, помутневших от возраста, горела странная, почти юношеская искра. Он обходил группы роботов-уборщиков, сгребавших мусор в люки. Робко жался к стенам от бесшумных служебных капсул, снующих по магнитным полосам. Его старый, потрескавшийся комбинезон был униформой обитателя Окраины.

Нав добежал до подъезда своей многоэтажки. Такая же серая и обшарпанная. Магнитный лифт, издававший натужный гул, медленно потащил его вверх. Сердце бешено колотилось. Лифт остановился. Нав, почти не чувствуя своей хромой ноги, выскочил в длинный, слабо освещенный коридор, где витал запах дешевого синтетического супа.

Он ворвался в свою однокомнатную квартиру.

– Мари! Мариша! – закричал он, захлебываясь.

В комнате, устроившись в стареньком, но чистом кресле, сидела его жена. Мари, худая, сгорбленная старушка, вглядывалась в огромный голографический экран, подключённый к Реальности, где шла очередная серия бесконечного сериала «Сыны Гармонии». Она была слеповата и почти ничего не слышала без слухового аппарата, который, как всегда, лежал на тумбочке.

– Мари! – Нав подбежал к ней и, не в силах подобрать слов, убавил звук.

Грохот битв стих. Мари медленно повернула к нему свое морщинистое лицо.

– Что случилось?

– Не случилось! Свершилось! – Он схватил её руки. Его пальцы дрожали. – Мы дождались! Очередь! Наша очередь подошла!

Мари смотрела на него с неммым вопросом.

– Какая очередь, глупый? На хлеб? Так мы вчера получали.

– Не на хлеб! – Нав чуть не прыгал от нетерпения. – На дочку! Наша ячейка одобрена! Я получил сообщение на консоль!

Он показал ей свой старый, потрепанный коммуникатор. Мари покачала головой.

– Моя не пикала. Ты, наверное, опять что-то перепутал.

– Нет же, нет! Проверь свою! – Он потянулся к тумбочке и подал ей ее девайс.

Мари с недоверием активировала экран. И замерла. Её палец повис в воздухе. На маленьком дисплее горело официальное уведомление от Корпорации Здоровья.

«ГРАЖДАНЕ НАВ И МАРИ (ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КОД 734-Гамма-881). ВАША ЗАЯВКА НА РЕПРОДУКЦИЮ ОДОБРЕНА. ПРИБЫТЬ ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ПРОДУКТА В ОТДЕЛЕНИЕ 13-Б СРЕДИННОГО СЕКТОРА «ДЕЛЬТА» ЧЕРЕЗ 7 СТАНДАРТНЫХ СУТОК В 11:11».

Слезы, медленные и тяжелые, покатались по её щекам.

– Дочка... – Прошептала она. – Нав, у нас будет дочка.

Они просидели так, держась за руки, ещё с час. Потом их охватила лихорадочная деятельность. Следующая неделя пролетела как один миг. Они выскребли до блеска свою крошечную квартиру. Нав, кряхтя, починил заедавший магнитный замок на двери. Мари, ворча, что ничего не видит, сшила из старой занавески балдахин для кровати. Они купили на чёрном рынке, потратив из сбережений, крошечный комбинезончик из синтезированного хлопка и пластикового медвежонка. Вечерами они строили планы.

– Назовем её Риной, – говорила Мари, глядя в потолок, за которым был слышен гул пролетающего мимо их дома грузовика.

– Риной, – соглашался Нав. – Она будет умной. Пойдет в школу для одарённых. Мы же копили.

– Получит образование, – продолжала Мари, словно заклинание. – Устроится в Корпорацию. Может, в Логистику. Будет следить за этими магнитными дорогами.

– И будет жить не здесь, – заканчивал Нав, глядя в запylённое окно. Там высилась серая стена соседней многоэтажки. – В среднем секторе. Где чисто. Где зелень.

Наконец настал день. Они надели свою лучшую одежду и на общественном транспорте отправились в сектор «Дельта». Переход из Окраины в соседний Юго-Западный сектор был путешествием в другой мир. Серые коробки сменились стройными башнями со стеклянными фасадами, отражающими небо.

Воздух стал чище, здесь пахло чем-то цветущим. Синтетическим, но приятным. По широким магнитным магистралям бесшумно скользили личные капсулы. Люди вокруг были другими. Одеты в модную, функциональную одежду. Уверенные движения. Новейшие консоли на запястьях. Чипированные. Десятью процентами населения, подключённые к Гармонии, живущие в дополненной и виртуальной Реальности.

Отделение Корпорации Здоровья поразило их своим видом. Сверкающие хромированные поверхности, белые стерильные стены, бесшумно скользящие двери. Воздух был свеж и прохладен. Нав и Мари чувствовали себя тут чужаками.

В зале ожидания, где выдавали детей, уже сидело несколько пар. Чипированных было видно по осанке, по взгляду, по тому, как они легко общались с интерфейсами.

Нав и Мари робко присели на краешек самого дальнего дивана. На них сразу же обратили внимание. Сначала с лёгким удивлением, потом с пониманием и брезгливым любопытством. Они догадались об отсутствии чипов по старой одежде, по испуганным движениям.

Пара рядом, молодая женщина с идеальной укладкой и мужчина в строгом костюме, перешептывались.

– Смотри, «естественные», – услышал Нав обрывок фразы, произнесенной с лёгкой усмешкой. – С Окраины.

– Удивительно, что им одобрили. Алгоритмы, видимо, дали сбой, – парировал мужчина.

– Кому-то надо за робами присматривать в промзоне, – пожала плечами женщина. – Не тебе же. Ты точно не справишься.

Они засмеялись. Нав сжал кулаки, но промолчал. Он смотрел на дверь. Мари, ничего не слышавшая, улыбалась, глядя на голографическую рекламу счастливых семей.

Наконец, на табло загорелся их номер. Нав и Мари, стараясь не смотреть по сторонам, прошли к стойке. Администратор, молодая девушка с безразличным лицом, скользнула взгля-

дом по их документам. – Продукт «Рина», идентификатор 734-Гамма-881, немодифицированная версия, возможны отклонения в развитии, – произнесла она. – Подпишите.

Нав дрожащей рукой расписался на планшете. Девушка что-то ввела в консоль. Из скрытого паза выехала небольшая капсула-переноска. Внутри, укутанный в мягкую ткань, лежал крошечный младенец. Она спала. Её розовое личико было безмятежным.

– Продукт передан, – механически произнесла администратор. – Инструкция по уходу загружена на ваши консоли. Следующий!

Нав бережно, как величайшую святыню, взял капсулу в руки. Он смотрел на это крошечное существо, на свою дочь, свою Рину. Мари прижалась к нему, в её слеповатых глазах стояли слезы счастья.

Они вышли из сияющего холла обратно в серый мир Украины, неся в руках свой хрупкий, драгоценный груз. Они не обращали внимания на косые взгляды. У них была дочь. У них было будущее. Они ещё не знали, что это будущее готовило им новые испытания. Но пока они просто шли домой. Две старые, немощные спины, несущие в себе хрупкий росток новой жизни. Немой укор бесчувственной системе. Тихая вера в то, что их дочь сможет разорвать этот порочный круг.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.